

**Библиотека
Московской
школы
политических
исследований**

Библиотека Московской школы
политических исследований

Редакционный совет:

А. Н. Мурашев
В. А. Найшуль
Е. М. Немировская
А. М. Салмин
Ю. П. Сенокосов
А. Ю. Согомонов
М. Ю. Урнов

Блэр А. Рубл

Стратегия большого города

Прагматический
плюрализм в Чикаго
«позолоченного века»,
Москве серебряного века
и Осаке эпохи Мэйдзи

*Московская
Школа
Политических
Исследований*

2004

ББК 63.3 (0)
Р 82

Перевод с английского Марка Дадяна

Художественное оформление серии Андрея Бондаренко

*Издание осуществлено при поддержке
Нальчинского Городского Благотворительного Фонда «Солидарность».*

Часть тиража передается в государственные, муниципальные и публичные библиотеки, а также в университеты Российской Федерации.

Каме, Гале и Ире

Блэр А. Рубл

Р 82 Стратегия большого города. Прагматический плюрализм в Чикаго "позолоченного века", Москве серебряного века и Осаке эпохи Мэйдзи. (Blair A. Ruble. Second Metropolis. Pragmatic Pluralism in Gilded Age Chicago, Silver Age Moscow, and Meiji Osaka. – Cambridge University Press, 2001.) – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 456 с.

Книга Блэра А. Рубла (1949), директора Института перспективных русских исследований им. Дж. Кеннана и содиректора проекта сравнительных урбанистических исследований при Международном исследовательском центре Вудро Вильсона (США) – это в сущности полувековой эпизод увлекательной, почти авантюрной истории Москвы, Чикаго и Осаки в реальном контексте «дикого капитализма» второй половины XIX – начала XX века. Исследуя причины и суть конкретных городских проблем, автор приходит к выводу о том, что городские лидеры были обречены выстраивать коалиции между несопоставимыми, на первый взгляд, общественными группами, извлекая «выгоду из взаимодействия с личностями или группами, которые во всех отношениях вызывали отвращение». Эффективность городской власти напрямую зависела от способности реализовать один из немногих действенных политических методов управления материальными и людскими ресурсами, которому автор дал определение прагматического плюрализма. Уникальный опыт «вторых столиц» России, США и Японии в применении этого инструмента оптимального управления во многих его аспектах актуален и сегодня.

ББК 63.3(0)

© Copyright Woodrow Wilson
International Center for Scholars 2001
© М. Дадян, перевод, 2004
© Московская школа
политических исследований, 2004

ISBN 5-93895-060-0

Город подобен человеку: если мы не установим с ним искренние отношения, он останется именем, внешней формой, обреченной исчезнуть из нашего сознания. Для того же чтобы создать такие отношения, мы обязаны научиться уважать город и понимать его неповторимую личность, его “я”, его дух, его своеобразие, обстоятельства его жизни в их пространственном и временном развитии.

*Иван Клима
“Дух Праги”*

Содержание

<i>Предисловие</i>	9
<i>Введение</i>	
От гегемонии к прагматическому плюрализму	14
<i>Часть I</i>	
Три индустриальных гиганта	
Поркополь	61
Ситцевое сердце России	99
Всеяпонская кухня	139
<i>Часть II</i>	
Успехи и изобилие	
Битва за транспорт	175
Образование московских рабочих	225
Осака – гавань процветания	265
<i>Часть III</i>	
Бунты и революция	
Провал городской хартии	297
Самый неблагоустроенный город в Европе	321
Нищета и бунт	351

Часть IV
Заключение

Преуспевшие плюралисты-прагматики: политика без гегемонии	381
Практика прагматического плюрализма: город, переходный капитализм и значение Москвы	426
<i>Именной указатель</i>	445
<i>Библиография</i>	448

Предисловие

Настоящая книга – это третья из работ, в которых рассматривается судьба русских городов в XX веке. В первой из них – «Ленинград: формирование советского города» (1990) – прослеживался упадок «северной Пальмиры» в период после Второй мировой войны, от имперской столицы и главного российского города до провинциального центра, каким стал Ленинград к концу существования советского режима. Во второй книге – «Деньги поют: изменяющаяся политика городского пространства в постсоветском Ярославле» (1995) – запечатлены смятение и оптимизм, весьма характерные для России в период развала Советского Союза. В этой третьей книге предпринята попытка поместить великую континентальную столицу России – Москву – в сравнительный исторический контекст: здесь рассматривается история Москвы в отрезок времени, предшествовавший ее превращению в главный советский город. Взятые вместе, эти три исследования приоткрывают занавес, за которым происходила городская жизнь России в сложном и мучительном XX веке, вдали от жестоких страстей, чопорного официоза и всепроникающей тревоги политической столицы.

Нижеследующие главы представляют собой довольно громоздкое исследование, проведение которого в значительной степени зависело от поддержки и благожелательности моих коллег и друзей: боюсь, что иногда мне приходилось испытывать их терпение. Мне бы хотелось выразить самую искреннюю благодарность Эллисон Абрамс, Акизуки Кенго, Борису Ананьичу, Харли Балцеру, Пинару Батур-Вандер Липпу, Теодору Бестору, Сьюзен Бронсон, Джеффри Дабелко, Тони Френчу, Кэтлин Джустино, Хелене Госкило, Джеффри Хану, Дэвиду Хофману, Питеру Холквисту, Роберту Хуберу, Павлу Ильину, Григорию

Каганову, Нине Хрущевой, Стиву Лагерфельду, Сьюзен Гудрич Леман, Роберту Литваку, Рут О'Брайен Миллер, Дэвиду Плату, Нэнси Попсон, Сьюзен Гросс Соломон, Питеру Ставракису, Стефану Танаке, Роберту Терстону, Роналду Тоби, Джозефу Талчину, Галине Ульяновой, Дугласу Винеру, Элизабет Вуд, Игорю Зевелеву, а также нескольким анонимным рецензентам, предоставившим вдумчивые комментарии к черновикам глав этой книги. Биограф Секи Хаджиме Джеффри Хейнс проявил о судьбе этой книги заботу бульшую, чем, боюсь, она того заслуживает. Моеими героическими помощниками и здоровыми критиками были Джеффри Брукс, Уильям Чейз, Тимоти Дж. Джилфойл и Уильям Глизон.

Я никогда не смогу сполна отблагодарить Мурамацу Мисио из Киотского университета и Танами Тацую, работавшего в Международном доме Японии, а затем в Фонде Ниппон в Токио. Спасибо им за доброту и поддержку. Во время осуществления этого проекта моим единомышленником и близким другом стал Акизуки Кенго из Киотского университета. Огромную помощь и поддержку оказали мне Камо Тосио из Городского университета Осаки и Сибamura Ацуки из университета Момояма-гакуин. В работе над книгой мне очень помогли другие кансайские историки, в особенности Мацусита Такао, Мизугуси Норихито и Инацугу Хироаки. Американские японисты Теодор Бестор, Стефан Танака и Рон Тоби сотни раз ободряли меня и побуждали продолжать мои осакские вылазки. Я очень признателен Алексею и Каори Ханамура Кралам, за то что они помогли мне постичь несколько из великого множества тайн японского языка. Щедрая поддержка, удивительное гостеприимство и благожелательный интерес японских ученых и американских японистов по отношению к не говорящему по-японски специалисту в области русской истории обогатили меня больше, чем я мог ожидать, приступая к работе над книгой. Я обязан своим замечательным коллегам в Японии и Соединенных Штатах более, чем могу это выразить.

Я сознаю, что незнание японского – это серьезнейший недостаток при работе над компаративистским исследованием подобного масштаба. Главы книги, посвященные

Осаке, неизбежно более ограничены и менее рельефны, чем материалы о Чикаго и Москве. Я сознательно пошел на это, рискуя показаться более неосведомленным, чем обычно, потому что контрасты и находки, сопряженные с введением в работу о Чикаго и Москве третьего города – Осаки, показались мне необычайно волнующими. Надеюсь, что читатели также сочтут уместными главы об Осаке. Я также надеюсь, что читатели с пониманием отнесутся к наблюдениям исследователя, который, увы, никогда не сможет в должной мере изучить Осаку или оригинальные японские документы об этом городе. Наконец, я надеюсь, что страницы, посвященные Осаке, станут яркой и несколько экзотичной картинкой на фоне более фундаментальных глав о Москве и Чикаго.

Интеллектуальное путешествие, которое завершается этим томом, началось с дружеского предложения Павла Ильина, посоветовавшего мне написать статью, где сравнивались бы Нью-Йорк и Москва начала XX века. Работая над статьей, появившейся в 1992 году в Московском журнале, я получил столько информации, что был пленен Москвой той эпохи. Я благодарен Павлу и его жене Элле Каган за этот миг просветления.

Вячеслав Глазычев, Григорий Каганов и Джозеф Субирос научили меня размышлять о городах, смотреть на города и ощущать биение их пульса. Славу и Гришу вполне можно назвать одними из последних подлинных интеллигентов. То же относится к живущему в Барселоне Пепу, несмотря на его *не-русскость*. Я почитаю дружбу с ними за счастье. Надеюсь, что эта работа приближается к их академическим стандартам и содержит хотя бы чуточку проницательности, присущей их исследованиям.

Мне бы хотелось воспользоваться предоставленной возможностью и поблагодарить аспирантов Института русских исследований Кеннана – Коллин Бринк, Алину Энтин, Энтони С. Лорена, Тимоти Дж. Лузониса, Келли Элизабет Массикоте, Синтию Нейл, Дэвида Рассела, Джозефа Шилла, Лайоша Сасди, Мэта Варшоу и Монику Вильсон, а также Китамуру Ватару из Киотского университета за их помощь в изысканиях, на которых строится данная работа. Неоценимую помощь в подготовке рукопи-

си к публикации оказала мне Синтия Нейл. Я признателен Международному центру исследований Вудро Вильсона, факультету правоведения Киотского университета и фонду Сантори (Осака) за материальную поддержку и за помощь, не имеющую вещественного эквивалента. Огромную роль в придании этой рукописи завершенной литературной формы сыграла редактор Трейси Нейгл.

Подобно многим другим исследователям, я бы не смог обойтись без помощи библиотекарей и сотрудников библиотеки Конгресса – пожалуй, лучшей в мире библиотеки для изучения материалов, связанных с темой настоящей работы, – и Чикагского исторического общества. Сотрудники библиотеки Центра Вудро Вильсона стойко помогали мне в процедурах межбиблиотечного обмена. Особую помощь оказали мне Хотта Акио из Центра городской истории Осаки и его коллеги из Библиотеки осакской префектуры. Эдвард Казинец из Нью-Йоркской публичной библиотеки вновь продемонстрировал значение этого института для нашей науки.

Читателям следует обратить внимание на то, что японские личные имена приведены в традиционном для Японии порядке, когда фамилия предшествует имени.

Краткий обзор истории каждого города в первой части книги предназначен для выявления некоторых эпизодов, которые напрямую связаны с социополитическими исследованиями в последующих главах, а потому его не следует воспринимать как подробное изложение городской истории. Доводы, приводимые в книге, могут показаться надуманными и спорными. Вдумчивый читатель обнаружит в работе внутренние противоречия и даже документальные свидетельства, идущие вразрез с моими главными тезисами.

Боюсь также, что на страницы книги могли закрасться фактические ошибки, хотя я и пытался свести подобные погрешности к абсолютному минимуму. Специалисты по истории каждого из рассматриваемых в книге городов наверняка найдут здесь немало поводов для критических замечаний и споров. Надеюсь все же, что, подобно плюралистам-прагматикам, о которых я писал, читатели этой книги сочтут, что польза от терпимости и сдержанности

превосходит гипотетические победы в схватках с автором, компетенция которого вполне может расходиться с их профессиональными интересами. Само прочтение настоящего тома может потребовать от читателя той терпимости жителя метрополиса, о которой говорится в книге.

Наконец, во время работы над книгой мне посчастливилось сотрудничать с тремя замечательными москвичками. С начала 1990-х годов Екатерина Алексеева, Галина Левина и Ира Петрова достойно и успешно представляют в Москве Институт Кеннана. Их богатое воображение, сочувствие, честность и бодрость духа всегда представляли для нас, коллег, сотрудничавших с ними из Вашингтона, высокий образец для подражания. Катя, Галя и Ира олицетворяют те ценности, о которых я пытался написать в книге. Они объединяют все то светлое, что присуще Москве, и именно им я посвящаю настоящую работу.

Введение

От гегемонии к прагматическому плюрализму

Москву, принимая во внимание ее историю, не принято считать образцом плюралистичного города. До последнего времени XX век в московской истории рассматривался через призму революционных потрясений, гражданских войн и столкновений начала столетия (1905—1907, февраль 1917-го, октябрь 1917-го, 1917—1921, 1928—1932)¹. Однако по мере того, как толкование русского революционного наследия становится более многосторонним, возникает необходимость переосмысления и позднего периода существования Российской империи. Изучение опыта развития российских городов в сравнительной перспективе может способствовать прояснению ряда вопросов в незатихающих посткоммунистических спорах о досоветском прошлом России.

Сложность объективной оценки российской истории начала XX, как и начала XXI века в том и состоит, что единой российской реальности не существовало и не существует. У России было множество обликов: Россия богачей и Россия нищих, Россия космополитичная и провинциальная, Россия либеральных экономических реформ и Россия феодальная... Большая часть населения империи проживала в деревнях, однако несколько миллионов русских обитали в Москве и Санкт-Петербурге, входивших в число крупнейших городов мира. Гораздо большее число россиян жило в губернских и уездных городах, каждому из которых присущи свои, особенные черты². Ни одна, даже самая стройная историческая концепция не в силах объяснить, что же произошло со всеми ипостасями дореволюционной России. Великая литература рассмат-

риваемого периода нередко содержит более глубокие исследования этой многоликой России, чем послереволюционные исторические и социологические труды. Россия, по словам Александра Солженицына, стала чередой архипелагов. И как же сложно разобраться во всех присущих российской истории противоречиях спустя целое столетие, особенно в свете нескольких противоречащих друг другу, а порой и несовместимых летописных традиций!

Один из методов анализа, используемых в настоящей работе, состоит в помещении сугубо российского исторического опыта в более широкий сравнительный контекст. Многие исследователи российской истории воспринимают такой подход скептически. Россия, в конце концов, очень самобытная страна. В течение многих веков она, с одной стороны, подвергалась воздействию проевропейских течений, с другой – оставалась средоточием традиционных ценностей и устремлений. Российские города на рубеже XIX и XX веков воплощают все своеобразие России – страны, разрывающейся между традицией и современностью³.

В настоящей работе не ставится под сомнение своеобразие российского исторического пути, ведь каждая культура и каждое общество в какой-то степени неповторимы. Скорее, здесь предпринята попытка объединить изучение глубоко самобытных особенностей российской истории и исследование тех ее черт, которые сближают Россию с другими странами. Такая цель достигнута посредством сравнительного анализа истории Москвы в пятидесятилетие, предшествовавшее большевистской революции 1917 года, и истории двух других городов, в развитии которых прослеживаются некоторые роднящие их с Москвой черты. Два этих города – Чикаго в Соединенных Штатах и Осака в Японии.

Данное исследование – отклик на работы историков, уже в постсоветский период справедливо обративших внимание на необходимость пополнения наших знаний о предреволюционной истории российских городов. Историк Луиз Мак-Рейнольдс отмечает, что по сравнению с исследованиями городской истории в других странах работы, посвященные российским городам и написанные «с

точки зрения 1917 года», придают непропорционально большое значение классовой борьбе и (или) неспособности местных лидеров осуществлять муниципальные реформы... В какой мере гражданское сознание противостояло классовому сознанию – ведь о последнем мы и так знаем достаточно много?⁴

Говоря о взаимоотношениях гражданского и классового сознания в российских городах предреволюционной эпохи, Мак-Рейнольдс и другие историки, стоящие на аналогичных позициях, не ставят прямых, обоюдоострых вопросов. Напротив, они стремятся глубже проникнуть в общественную динамику тех лет, преследуя цели более рельефного, более обстоятельного исследования российского общества в годы, предшествовавшие революциям 1917-го. В результате вырисовывается методика анализа, согласно которой, не в ущерб изучению классовых противоречий, пристально рассматривается собственно исторический процесс.

Как показали специалисты, соперничество между гражданским и классовым сознанием проявлялось не только в городском обществе, но и в частной истории каждого русского горожанина. Жители российских городов обладали индивидуальными чертами, которые определялись в том числе их принадлежностью к классу, региону, полу, религии, этносу, а также, в зависимости от обстоятельств, их происхождением из того или иного города или даже городского района.

Различные аспекты городской истории России составляли предмет специальных исследований и до публикации эссе Мак-Рейнольдс⁵. Труды историков сыграли значительную роль в выявлении тех основ, на которых зиждилась каждодневная жизнь в Российской империи позднего периода. Работы и дискуссии, в которых обсуждается роль представительных органов власти и зарождавшихся в стране общественных институтов, расширили наше представление о том, какими путями развивалось управление Российской империей, в чем состояли успехи и провалы ее административной системы. Выводы, к которым пришли историки, неоднозначны: с одной стороны, им удалось выявить те неустранимые противоречия, что существ-

вовали между российскими представительными органами и правительственными учреждениями, с другой – обозначить исторический момент, когда в России родилась общественная политика, а также определить ту роль, которую с большим или меньшим успехом играла городская политика в формировании общероссийской административной системы⁶.

Предпринятые в данной работе социологические исследования были бы немыслимы без замечательных трудов уважаемых коллег. Их исследования заслуживают нового прочтения, в особенности если принять во внимание тот факт, что накопленные ими знания, к сожалению, оказали незаслуженно малое влияние на нашу оценку российской истории. Настоящее исследование можно назвать успешным, если оно привлечет внимание к превосходным работам, на которые опирается.

Актуальность сравнительного метода

Согласно широко распространенному мнению, российское общество на рубеже XX века коренным образом отличалась от общества в странах Европы и Северной Америки. Считается, что Россия была обществом без среднего класса, без подлинных городов, без независимого частного сектора. Подобные заявления сами по себе не могут способствовать развитию наших представлений о России того периода. Для всесторонней оценки особенностей, которые так часто воспринимаются как русское естество, необходимо прибегнуть к сравнительному анализу.

Компаративные исследования российской истории основывались главным образом на ее сопоставлении с европейскими странами. «Несмотря на заверения в беспристрастности и объективности, – два десятилетия назад сетовал Рональд Сани, – исследователи нередко выносят суждения о революции [1917 года] и Советском Союзе, основываясь на совершенно несхожем европейском и американском опыте⁷». Сани подразумевает, что аналогии с Европой далеко не всегда представляют собой целесообразную исходную точку для анализа. Возможно, оказалось бы

более уместным сопоставление России того периода с другими обществами, разрывавшимися между традицией и современностью, например, с Японией периодов Мэйдзи и Тайсё*. Изучение истории одного российского города не разрешит существующих методологических противоречий. Однако попытка рассмотрения в сравнительной перспективе такого крупного российского центра, как Москва, может способствовать развитию содержательной дискуссии о российской истории и о положении России по отношению к остальному миру.

Чикаго, Москва и Осака идеально подходят для проведения сравнительных изысканий, направленных на выявление преэмственности и контрастов в российской истории. Шестидесятые годы XIX века знаменовались в Соединенных Штатах, России и Японии коренными политическими реформами и социальными преобразованиями. Гражданская война и последовавший за ней экономический расцвет и конституционные преобразования в Соединенных Штатах, Великие реформы в России и реформы Мэйдзи в Японии вывели три этих общества на новую ступень социального, экономического и политического развития. Военные победы и поражения перевернули национальную экономику трех этих стран и, в частности, трех городов – Чикаго, Москвы и Осаки, неся богатство, а в России в конечном итоге и гибель местным промышленникам и финансистам.

Несмотря на то обстоятельство, что эти три города развивались в преимущественно аграрных странах и в анти-урбанистической культурной среде, они сыграли немалую роль в формировании национальной политики своих стран. На рубеже XX столетия Чикаго, Москва и Осака входили в число самых быстрорастущих в мире⁸. Население большого Чикаго выросло с 493 531 в 1870-м до 3 394 996 жителей в 1920 году⁹. Население Москвы выросло на 300 процентов,

* Мэйдзи (*япон.*) — буквально «просвещенное правление». Название периода правления (1868—1912) императора Муцухито. Тайсё — буквально «великая справедливость». Название периода правления японского императора Йосихито (1912—1926). — Здесь и далее — *прим. ред.*

от шестисот с небольшим тысяч в 1871-м до почти 2 миллионов жителей в сентябре 1917 года¹⁰. Примерно в тот же период из сравнительно небольшого города, где проживало около 350 тысяч человек, Осака развилась в крупнейший урбанистический центр с населением почти в 2,2 миллиона¹¹. Все три города стали домом для десятков тысяч переселенцев, движимых революционными изменениями в промышленности, торговле, транспорте и технологиях, которым в течение последующих десятилетий предстояло изменить облик мировой экономики¹².

В ту эпоху Чикаго, Осака и Москва находились на вершине мировой иерархии городов. Когда в августе 1914 года разразилась Первая мировая война, Чикаго, согласно современным оценкам, был пятым по величине городом в мире, в то время как Москва занимала девятое место¹³. В этих списках отсутствует Осака, но представляется вероятным, что по показателям городского населения она входила в дюжину крупнейших мировых центров.

Все три города были, в сегодняшних терминах, связующими звеньями между национальной и мировой экономикой. Глубинная связь этих центров с зарождающейся экономикой транснационального капитализма; их зависимость от новых технологий в электротехнике, транспорте, средствах связи и строительстве; сочетание вековой алчности и удивительного многообразия хозяйственных форм, образовавшихся благодаря сплетению личных интересов, — все эти факторы превратили Чикаго, Москву и Осаку в города XX века еще до наступления нового столетия. Чикаго, Москва и Осака утвердили стратегическое господство над огромными пространствами Северной Америки, Центральной Евразии и над японской областью Кансай вопреки тому, что политическая власть в этих странах оставалась сосредоточена в национальных столицах — в Вашингтоне, Санкт-Петербурге и Токио. Эти три города несли отпечаток всей присущей их национальной культуре самобытности и одновременно обладали множеством общих черт, которые сделали возможным это сравнительное исследование¹⁴.

Цель предпринятого в настоящей работе сравнительного исследования Чикаго, Осаки и Москвы на рубеже

XX века – это попытка дать новое истолкование общественного состояния этих вторых столиц в конкретных исторических условиях, а также расширить общую концепцию опыта развития российских городов и привлечь внимание к необходимости проведения сравнительных изысканий в области городской истории. Большое значение придается феномену социальной фрагментации, которая — несмотря на то что ее часто воспринимают как препятствие на пути демократического развития, — активно способствовала развитию прагматического плюрализма, не допуская прихода к безграничной власти какой-либо одной общественной группы. В книге выдвигается тезис о том, что фрагментация – в сочетании с накопленным в обществе капиталом, отсутствием юридического или фактического контроля сверху, общественными и экономическими сдвигами переходного периода – способна создать условия для плюралистичной общественной политики.

Прагматический плюрализм присутствовал в общественной жизни Москвы, хотя русскому самодержавию не было нужды использовать социальную обособленность и раздробленность в качестве инструмента, не допускающего усиления влияния лиц, которые и так не входили в ближайший круг царских советников и министров. Те общественные отношения, что сегодня именуется гражданским обществом, зарождались в Москве уже на заре XX века¹⁵. Как будет показано далее, административная политика самодержавия воспрепятствовала развитию самостоятельных общественных групп, ведя к социальным столкновениям, поляризации общества и в конечном итоге к неразрешимому системному кризису. Как пронизательно заметила Кристин Руан, один из многочисленных парадоксов позднеимперского периода российской истории состоит именно в том, что инициированные правительством реформы расшатывали ту систему, которую призваны были укрепить. То, что могло развиваться в долговременные совместные усилия государства и общества по созданию современной индустриальной страны, выродилось в непрекращавшуюся борьбу правительства и старой привилегированной элиты против новых элит¹⁶. В России рубежа веков Москва стала той ареной, где наиболее

ярко проявилась описанная Кристин Руан борьба между старым и новым.

Тем не менее сама сложность московской городской жизни подталкивала различные общественные группы к образованию прагматических коалиций и выработке взаимоприемлемой стратегии муниципального управления. Порой социальная раздробленность становилась причиной сотрудничества между различными общественно-политическими силами города. Как отмечает Руан, понятие общественной жизни было настолько новым для России того времени, что формы негосударственного сектора находились в постоянном развитии и испытывали воздействие самых разных составляющих русского общества¹⁷. В данной работе предпринята попытка рассмотреть некоторые исторические ситуации и примеры, в которых прослеживается сходство Москвы с другими крупными городами мира – сходство более выразительное, чем принято считать¹⁸.

Это исследование не ставит целью анализ распределения власти как таковой. И, в сущности, здесь не рассматриваются нравственные ценности, мысли или переживания городских обитателей. Книга сосредоточена только на внешнем поведении городов. В качестве аргумента в пользу выдвигаемых в работе тезисов принимается сам факт образования коалиций в общественно-политической жизни города, даже если такие альянсы не влияли на умонастроения их участников. Задача исследования показать, как необычайная сложность и многоликость городского общества не позволяла в полной мере применить власть даже тем кругам, которые сосредоточили в своих руках огромные политические и экономические ресурсы. Иными словами, даже самый могущественный москвич – как и самый могущественный житель Чикаго и Осаки – не всегда мог вынудить других подчиняться неким установленным канонам. Власть была распределена, рассредоточена и рассеяна. Если рассматривать Москву начала XX века с подобных позиций, то история города даст исследователю немало тем для плодотворных сравнительных изысканий.

Первое, что необходимо предпринять для введения Москвы, Чикаго и Осаки в сравнительный исторический контекст – это взглянуть на три города через призму су-

ществующих работ по урбанистической истории. Ведь, по сути дела, речь идет о трех городах, входивших в число крупнейших в мире. Литература по сравнительной городской истории предлагает некоторую отправную точку для интеллектуальных упражнений.

Значимость размера городов

Около столетия назад в мире, по-видимому, появилась новая урбанистическая форма – промышленный город-гигант. Конечно же, очень большие города существовали на карте мировой истории уже давно. Город-гигант, как верно указывает Энтони Сатклифф, сопровождал человеческую цивилизацию на протяжении нескольких тысяч лет¹⁹. Однако новые метрополисы ужасали многих наблюдателей. Скорость, с которой они росли, легкость сообщения между отдаленными частями города, мобильность населения и жесткая нищя между буржуазией и пролетариатом²⁰ не имели аналогов в мировой истории. Традиционные общественные, политические и культурные институты рушились под тяжестью невиданных испытаний.

Открытость и ускоряющиеся темпы городского развития в XIX и XX веках отличались от неспешного и более органичного роста средневековых и раннебуржуазных городов²¹. Расширение метрополисов часто создавало противоречие между растущими индустриальными центрами и окружающей их сельской местностью, а зачастую становилось причиной конфликтов с национальными правительствами. Противостояние между метрополисом и национальным правительством было очевидно даже в относительно молодых Соединенных Штатах, где нетерпеливая буржуазия стремилась к неограниченной политической и культурной власти, ломая устоявшиеся рамки местных традиций и интересов²². В начале XX столетия общество метрополиса находилось в зародышевом состоянии – но уже тогда ему были присущи многообразие и социальная фрагментированность²³.

Город XIX века преобразил урбанистические формы. Всего за пару поколений промышленное производство

драматически изменило физический облик городов²⁴. Заводы, индустриальные проспекты, железнодорожные депо, сортировочные станции и кварталы многоквартирных домов произвели городскую среду, которую отличало дезориентирующее непостоянство. Как неоднократно отмечали многие авторы, отличительной чертой современного города стала изменчивость²⁵. Сохранение гражданского сознания и принадлежности к тому или иному обществу в мире, охваченном страстью к скорости и изменениям, было непросто задачей.

Новый метрополис был настолько огромным и многоликим, что ни одна социальная, политическая, экономическая или этническая группа не могла в течение долгого времени удерживать контроль над местной политической жизнью. Город-гигант не был обособленным историческим актером. Скорее, его непомерное совокупное богатство было распределено между великим множеством владельцев. Результатом стало *многообразие*²⁶. Как отмечает Питер Холл в монументальной истории урбанистической цивилизации – «Города в цивилизации» (*Cities in Civilization*) – дело не только в размерах больших городов. Большие размеры предполагают сложность. В больших городах, согласно Холлу, не просто проживает много людей, но их обитатели «совершенно различны по происхождению, расе, вероисповеданию, социальному положению и богатству, различны, в сущности, во всем, что только может отличать людей друг от друга»²⁷. Как напоминает Элизабет Уилсон, «для старорежимной элиты большой индустриальный город конца XIX века представлял собой клоаку, отмеченную пестрым, тесным и неприличным смешением классов на городских улицах»²⁸.

Социальные группы в новых городах-гигантах были вынуждены действовать с большой осторожностью, вмешиваясь только в те сферы городской жизни, которые обладали ключевым значением для их выживания или благосостояния. Складывалась новая философия городского плюрализма, вытесняя прежние понятия о власти и политической эффективности как в местных, так и в общенациональных масштабах. Из-за того что жизнь метрополиса была замешана на конкуренции, муниципальная поли-

тика иногда становилась стратегией вынужденного примирения соперничающих личных интересов²⁹. По мере того как политические альтернативы все больше удалялись от простых категорий «или – или», возникала необходимость более гибкого подхода к практике городского управления. Цена небрежения интересами какой-либо социальной группы могла оказаться слишком высокой – в России, после крушения империи в 1917-м, многие ощутили это на себе.

Чикагский фотограф Зигмунд Краус оставил нам документ, свидетельствующий о пестрой жизни метрополиса в конце XIX столетия и одновременно отражающий буржуазные предрассудки того времени³⁰. В харбктерных этюдах Крауса запечатлены три дюжины тщательно отобранных и позирующих уличных типажей – перед нами галерея персонажей, которых раздобыли фотограф и его литературные соавторы. Краус составил этот фотоальбом, образчик популярного в ту эпоху жанра, в 1892 году, очевидно надеясь заработать на нем во время чикагской Всемирной выставки. Фотографу удалось передать многоликость чикагских улиц 90-х годов XIX века.

Просматривая фотографии этих афроамериканских, китайских, ирландских, итальянских, русских, еврейских и сирийских разносчиков и уличных мальчишек, можно представить себе чувство беспокойства и неудобства, которое испытывали в индустриальных городах представители имущих классов, – об этом выразительно пишет Элизабет Уилсон. Клерки и шарманщики, письмоноscopy и беспризорники, выдавшие виды ветераны Гражданской войны и слепые попрошайки, теннисные девочки и тряпичники, развозчики льда и пива, коробейники и зеленщики – все они соперничали за городское пространство метрополиса в сердце американского континента. Работы Крауса отражают это многообразие, несмотря на то что герои его фотопортретов заслуживали, вероятно, гораздо большего уважения, чем он мог или желал выказать им в своей студии.

Города-гиганты, появившиеся в конце прошлого века, во многом определили закономерности развития человеческого опыта на последующие десятилетия – на смену

индустриальным центрам пришли еще более огромные мегаполисы и всемирные города³¹. О форме и функциях этих титанов, об их успехах и провалах написаны тома. Все же их роль в политической жизни не всегда с должной полнотой освещается в работах по современной урбанистической цивилизации.

В этой книге повествуется о Москве, однако задача настоящей работы заключается и в том, чтобы изучить роль правительства метрополиса в местной и общенациональной политической жизни, а также в том, чтобы прояснить взаимоотношения между развитием индустриального города и муниципальной политикой. Эта цель достигнута посредством сравнения Чикаго, Москвы и Осаки в пятидесятилетие, предшествовавшее русским революциям 1917 года. В последующих главах обсуждаются не только отличительные черты Москвы как метрополиса на рубеже веков, но и проблемы социального многообразия, терпимости и плюрализма. Представленные в книге социологические исследования преследуют цель ответить в исторической сравнительной перспективе на вопросы, которые Карл Эббот назвал двумя центральными темами полутора-вековой американской городской историографии: «Как удавалось членам этих агломераций [то есть растущих как грибы городов середины XIX века] объединяться, взаимодействовать и функционировать как гражданские сущности [или городские сообщества, в терминах XX столетия]?»³². Иными словами, как в новообразовавшихся метрополисах той эпохи сосуществовали столь различные политические, социальные, экономические, культурные, этнические и религиозные среды, которые и придавали этим городам такой небывалый, пугающий вид?

Рост метрополисов и равновесие различий

Основываясь на работе Дэвида Хэммака, Салли Энн Гастингс утверждает, что в рассуждениях о распределении власти в городском сообществе точка зрения определяет перспективу. Исследователи, уделяющие наибольшее внимание формальным общественным структурам и полити-

ческим фигурам высшего ранга, склонны приписывать всю полноту власти в сообществе узкому кругу избранных³³. Те же специалисты, которые, подобно самой Гастингс, рассматривают более широкое общественное поле и, следовательно, более широкий спектр общественных – формальных и неформальных – организаций, не могут не обратить внимания на факт рассеяния власти, вне зависимости от того, посвящено ли их исследование Нью-Йорку, Нью-Хейвену, Токио или Дар-эс-Саламу³⁴. Хэммак ставит этот вопрос следующим образом: «Хотя большинство историков, пишущих об элитах, подчеркивают факт концентрации власти, те из них, кто предпринимал обстоятельные исследования истории предпринимательства, общественной политики, низших социальных групп или местной политики... часто утверждают, что власть была сосредоточена»³⁵. Этот вопрос обладает первостепенной важностью и способен прояснить, почему в данной работе уделено так много внимания проблемам разнообразия в столь, согласно общепринятому мнению, высокоцентрализованных муниципальных сообществах, как позднеимперская Москва и Осака эпохи Мэйдзи.

Как показано в работе Гастингс о Токио, вопрос гораздо сложнее, чем простое постулирование факта, что точка зрения определяет перспективу. Ключевую роль приобретают здесь динамические взаимоотношения между часто элитарными формальными структурами власти и фактической расстановкой сил в повседневной жизни. В настоящей работе предпринята попытка доказать, что чем выше потенциал конфликтности и несоразмерности интересов, тем выше способность общества к плюралистическому посредничеству входящих в него различных компонентов. Последнее справедливо даже в том случае, когда от прямого доступа к власти формально отстранены многие социальные группы. Вместо ясно очерченных и жестких альтернатив в политическую повестку дня входят такие вопросы, как управление соперничающими интересами в целях всеобщего развития и удовлетворения общих социальных нужд³⁶.

Как и книга Гастингс, настоящая работа преследует цель развить исследование Хэммака о власти в городском

сообществе, поместив эту тему в сравнительный контекст³⁷. В труде Гастингс подчеркивается кажущаяся несообразность между высокой концентрацией богатства и власти в руках узкого круга ньюйоркцев в конце прошлого века и неспособностью этих властей предрержащих в полной мере распоряжаться судьбами города в условиях общественной системы, гарантировавшей избирательные права всем гражданам мужского пола³⁸. Многие из влиятельнейших горожан Нью-Йорка отстранились в то время от активного участия в городской политической жизни. В то же время они при необходимости продолжали защищать свои интересы опосредованно.

Некоторые наблюдатели отмечали, что городом владеют политические заправилы, другие – что в Нью-Йорке господствуют богачи и крупные корпорации³⁹. В более проницательных описаниях – например, в заметках вдумчивого русского Моисея Острогорского, посетившего Америку сто лет назад, – политические боссы изображены посредниками между капиталистами и избирателями⁴⁰. Объединяя широкие слои общественности с экономической элитой, политическая машина определяла руководящие силы города в эпоху быстрых перемен⁴¹. Так удавалось достичь эффективного и жизненно необходимого равновесия между самыми нестабильными элементами американского города конца XIX – начала XX века.

Хэммак убедительно доказывает, почему такое посредничество было столь необходимо. «Богатые и хорошо осведомленные, – пишет он, – предполагали, что богатство и общественное положение подразумевают власть. Но их постоянная озабоченность влиянием на электорат, ролью политических партий, отношением иммигрантов и позицией различных экономических элит означает, по крайней мере, что богачи не могли удерживать господство без значительных усилий»⁴².

В работе Хэммака изучается урбанистический опыт Соединенных Штатов в конце прошлого столетия. В то же время рассматриваемые им вопросы выходят за рамки американской политики с ее весьма демократическими традициями, допускающими активное участие населения в государственном управлении. В работе Гастингс показано, что

схожие противоречия между концентрацией власти и бессилием властей преобладающих прослеживаются в самых различных исторических, культурных и политических обстоятельствах. Замечательная работа Нила Уотерса о политической жизни во внешне безмятежной японской области Кавасаки в период реставрации Мэйдзи* иллюстрирует потенциально благотворное действие раздробленных общественных и политических институтов в эпоху коренных социальных перемен⁴³.

Уотерс сравнивает административные структуры Кавасаки в период позднего Эдо – раннего Мэйдзи с трехцветной шахматной доской, «на которой одни клетки меняют цвет, а иные принимают все три цвета одновременно»⁴⁴. Подобная сложность общественно-политических отношений не препятствовала единству и слаженному функционированию области, но, напротив, обеспечивала защиту каждой отдельно взятой областной структуры от своевольных и деспотических действий вышестоящих властей. «Ни один местный хозяин, – продолжает Уотерс, – не мог поступать вполне своевольно, без того чтобы не вступить в противостояние с другими рёшу»⁴⁵.

Хотя Уотерс пишет о преимущественно аграрной японской области в исторический период, предшествовавший полномасштабной индустриализации, его наблюдения вполне уместны и в отношении разраставшихся урбанизированных регионов, о которых говорится в настоящей работе. Административная сложность не только предохраняла деревни Кавасаки от чужеродной или деспотической эксплуатации, но и обеспечивала значительное влияние горизонтальных межсельских связей. «Несмотря на крайне запутанную систему вертикальной власти в регионе, область как таковая оставалась экономически взаимозависимой»⁴⁶. Ни одна группа феодалов или магнатов, ни одна местная элита не могла установить тотальный контроль

* Мэйдзи исин (*япон.* – обновление, реставрация Мэйдзи), незавершенная буржуазная революция 1867—1868 гг. в Японии. К власти пришло буржуазно-дворянское правительство во главе с императором Муцухито, начавшее буржуазные социально-экономические преобразования на фоне сохранения феодальных традиций в обществе.

над Кавасаки, что позволило этой японской провинции без потрясений войти в индустриальную эру.

В последующих главах подчеркивается роль административного аппарата и частной политической воли в городской жизни – об этом же говорилось в трудах Хэммака, Гастингса и Уотерса. Подобная точка зрения идет вразрез со многими устоявшимися элитистскими подходами к истории административного управления⁴⁷. Власть предстает в данной работе понятием, тесно связанным с разносторонними, часто мимолетными интересами, приводившими к образованию устойчивых коалиций между заинтересованными социальными группами и гражданами⁴⁸. Такие альянсы, в свою очередь, основываются на частной природе современного метрополиса.

«Частный» метрополис

Чикаго, Осака и Москва были не просто большими городами. Они выросли до огромных размеров в результате частного экономического развития, а не вследствие концентрации государственной власти. Все три города были в первую очередь торговыми центрами, основанными на товарообмене между купцами всех калибров и состояний.

Достоинство удивления сложность жизни в этих трех великих городах породила их многообразный, но и глубоко фрагментированный социальный, экономический и политический ландшафт. Сходные тенденции развития можно было наблюдать (в рассматриваемый исторический период и позже) и в других метрополисах, не ставших политическими столицами, – например, в Барселоне, Бомбее, Глазго, Манчестере, Милане и Сан-Паулу. Манчестер, первый в мире промышленный гигант, во многом напоминает рассматриваемые в настоящей работе индустриальные вторые столицы⁴⁹.

Отстраненные от решения общенациональных политических задач, удачливые политики в таких вторых метрополисах стремились скорее к компромиссам и примирению, чем к безраздельному политическому господству. Местное правительство в Чикаго, Москве и Осаке породило

ло столетие назад политику прагматического плюрализма. Однако опыт политической терпимости в Москве и Осаке не мог быть должным образом востребован во враждебной политической среде, и это создает интересные контрасты между Москвой и Осакой, с одной стороны, и Чикаго.

Чикагские промышленники, московские купцы и осакские финансисты взрастили характерный для рубежа веков дух метрополиса, основным двигателем которого был частный капитал. Частная экономическая деятельность в огромной степени способствовала развитию и более старых городов-гигантов. Лондон, Амстердам и Антверпен были одними из крупнейших метрополисов, в которых расходы из государственной казны составляли гораздо меньшую долю общегородского валового продукта, чем в других мировых центрах доиндустриальной эпохи⁵⁰. И все же до начала XIX столетия большой город воспринимался в первую очередь как резиденция монарха или владетельной особы.

Лондон времен правления Тюдоров представляет собой самый, пожалуй, замечательный пример развивавшегося за счет торговли метрополиса. Накопление капитала в доиндустриальном Лондоне происходило за счет перепродажи импортируемых товаров⁵¹. Учитывая удаленность придворной жизни Уайтхолла от торговой деятельности в лондонском Сити, можно утверждать, что в те годы Лондон развивался вполне свободно, без государственного регулирования и политического вмешательства.

Лондон был «кипучим, бурлящим городом, домом для деловой элиты, обогащавшейся посреди прибывавших к его берегам волн иммигрантов второго сорта»⁵². Доиндустриальный Лондон, коммерческий гигант, центр развивающейся национальной экономики, соседствовал с Вестминстером – безмятежной и величественной цитаделью королевской власти⁵³.

В работе 1944 года «Великая трансформация» (The Great Transformation) Карл Поланый заметил, что «отличительная черта цивилизации XIX века – на которую такое глубокое влияние оказал Лондон – состояла в том, что она [цивилизация XIX века] избрала в качестве мотива развития нечто такое, что только изредка признавалось

законным мотивом в истории человеческого общества и уж точно никогда ранее не возводилось в ранг оправдания каждодневного поведения и поступков, а именно – выгоду»⁵⁴. Чикаго, Москва и Осака входили в число ведущих городских центров, признававших возможным такой необычный подход к общественной организации.

Движимая частным капиталом (в противоположность государственно-дотационной экономике) жизнь метрополиса не могла быть линейной⁵⁵. Рабочего и конторского служащего преследовал призрак безработицы, заводчику и лавочнику не давал спать страх банкротства⁵⁶. Состояния возникали и терялись за ночь⁵⁷. Экономическая неопределенность вызывала раздоры между крупными и мелкими спекулянтами, в то время как конкуренция, мошенничество, невезение и некомпетентность могли привести к сенсационным потерям⁵⁸. Многие из жителей Чикаго, Осаки и Москвы в ту эпоху находились на грани между благосостоянием и нищетой.

«Частный» метрополис сражался с городами-конкурентами за деньги и людей, так же как отдельные предприятия и компании бились за прибыль. Одновременно жители города-гиганта были подвержены причудам региональной, национальной и международной геополитики и экономики, которые находились вне зоны их непосредственного влияния. Стабильность, лежащая в основе королевского двора или парламента, чужда частному метрополису. Деловые города, подобные Чикаго, – воспользуемся фразой Гарри Уиллса, уместной и в отношении Москвы или Осаки, – снаряжались, уже выступив в поход, подчиняясь хаотичным циклам нерегулируемого капитализма⁵⁹.

Организационная сложность нестоличных метрополисов, которые часто находятся в зависимости от национальных, региональных и местных властей, а также от различных частных и корпоративных интересов, исключает присвоение необъятной власти какой-либо одной социальной группой. Относительная свобода от прямого государственного вмешательства в местную жизнь создает социальное пространство, в котором возможна политика частных компромиссов и стратегия многополярности, столь необходимая для возникновения прагматического плюрализма.

В крупном городском сообществе государственная гегемония никогда не бывает тотальной. В некоторых случаях – к примеру, в Лондоне и Эдо-Токио* – способность государства влиять на формирование столичного города оставалась ограниченной⁶⁰. Необходимо принимать во внимание, что государственная власть, конечно же, не может полностью устраниваться из столичного города. В то время как в Чикаго, Москве и Осаке конца XIX – начала XX века роль государства была относительно невелика. Потому такие вторые города могут предоставить исследователю более яркие образцы городского плюрализма, чем величавые столичные центры.

Промышленный капитализм и прагматический плюрализм

Если характер городской агломерации предлагает одну отправную точку для сравнительного изучения Чикаго, Москвы и Осаки, то капитализм представляет собой другой повод для проведения такого анализа. Хотя при капитализме власть, денежные и иные материальные ресурсы сосредоточиваются в руках немногих, само устройство этой общественной формации не позволяет какой-либо одной социальной группе установить длительное господство над всем обществом. Это в особенности справедливо в начальный период развития капиталистических методов производства.

Исследователи капиталистических городов XIX века достаточно легко выделяли в них строгую трехклассовую систему строения общества, с «обладателями огромных состояний и почти неограниченной власти на самом вер-ху, более мелкими бизнесменами, специалистами и «белыми воротничками» посередине и массой наемных рабочих внизу»⁶¹. Однако при более пристальном рассмотрении подобные схемы рассыпаются.

Дэвид Хэммак убедительно доказывает, что по мере разрастания городских сообществ, специализации экономики

* Эдо (Иеддо) — название Токио до 1869 г.

и усиления ее зависимости от высококвалифицированного и слаженного управления, власть в таких сообществах претерпевает все большее распыление⁶². Для того чтобы стало возможным сотрудничество между соперничающими группами и личностями, должны совершаться сделки, развиваться инфраструктура, выполняться договоренности⁶³. При этом сотрудничество развивается в постоянно усложняющейся обстановке конурбации*. Социальная фрагментация и сдвиги, порождаемые переходным капитализмом, – например, урбанизм метрополисов – способствуют развитию прагматического плюрализма, который в конечном итоге может перерасти в полноценные социальные, политические, культурные и экономические модели и образцы поведения демократической природы. Как писали Дитрих Руэшмайер, Ивлин Хубер Стивенс и Джон Д. Стивенс, «победе демократии способствовали не капиталистический рынок или капиталисты как новая господствующая сила в обществе, но, скорее, сами противоречия капитализма»⁶⁴.

Никогда еще социальные противоречия капитализма не выступали с такой очевидностью, как в развивающихся метрополисах индустриальной эпохи. Для перехода к плюралистичной политике нужны были не просто эффективные политические жесты. «Наконец, – добавляют Руэшмайер, Ивлин Стивенс и Джон Стивенс, – победа демократии требует сложных классовых компромиссов, которые воплощаются в новом институциональном устройстве общества»⁶⁵. Это справедливо даже в том случае, когда институциональные изменения отражают политические и социальные компромиссы, которые неприятны и не нужны отдельным участникам политического процесса⁶⁶. Таким образом, общественное и политическое согласие основывается не столько на стремлении к примирению, сколько на выносливости и стойкости в конфликтных ситуациях.

Так, суть прагматического плюрализма состоит в способности извлекать выгоду из взаимодействия с личностями или группами, которые во всех отношениях вызывают отвращение. Прагматический плюрализм никак не соотносится с сообществом, которое по самой своей природе пред-

* Один из типов городской агломерации.

ставляется исключаяющей формой общественной организации. Общеизвестно, что сообщества нетерпимы к тем, кто не входит в число их членов. Источник плюрализма – это, по замечательному определению Льюиса Мамфорда, необходимость выжить в условиях намеренной социальной сложности городской жизни⁶⁷. Прагматический плюрализм проистекает из готовности терпеть поведение других, которое в известной степени оскорбительно⁶⁸. Такая вынужденная терпимость – продукт разноликот урбанистической среды, в которой постоянно сталкиваются соперничающие силы, а также развивающейся капиталистической системы, зависящей как от сотрудничества, так и от конкуренции.

В 1975 году Мильтон Ракове опубликовал занимательный отчет о своем опыте внутри политической машины демократов. Ракове, вошедший в местную политическую жизнь еще в бытность аспирантом факультета политических наук, замечает во вступлении к своей книге, что «ужасная правда в том и состоит, что [в чикагской политике] нет такого понятия, как общественный интерес. Скорее здесь присутствует широкий спектр конфликтующих частных интересов, которые объединены под общей вывеской общественного блага»⁶⁹. Прагматический плюрализм – это не столько выявление общественного блага, сколько процесс, в продолжение которого под вывеской общественного блага сосуществуют конфликтующие частные интересы.

Причиной экономического динамизма и гибкого плюрализма в Чикаго, Москве и Осаке были как урбанистический дух метрополиса, так и промышленный капитализм. О гегемонии промышленной буржуазии в капиталистических обществах начала XX века писали многие историки-марксисты и немарксисты. Однако основные положения данной работы идут вразрез с общепринятыми рассуждениями. Помимо стимулирования безграничной власти, капитализм высвобождает Шумпетеровы* силы разрушения, которые разъединяют давно установившиеся социальные,

* Йозеф Шумпетер (1883—1950) — американский экономист и социолог. Один из идеологов монополистического капитализма. Автор реформистской теории «трансформации капитализма».

экономические и политические связи⁷⁰. Следующая за этим фрагментация общества делает невозможным абсолютное господство в той или иной области какого-то одного класса или социальной группы. Для достижения успеха участники политической игры в метрополисе вынуждены придерживаться строго сбалансированных правил игры с нулевой суммой и стратегии, направленной на привлечение любых возможных союзников. Такие компромиссы становятся основой практики прагматического плюрализма.

Капиталистические города в переходный период

Чикаго, Москва и Осака переживали в конце XIX – начале XX столетия переходный период капиталистического развития. Чикаго был в буквальном смысле новым городом. Москва и Осака только недавно вышли из докапиталистической – или, точнее, protoиндустриальной социальной и политической эпохи⁷¹. Осака, давно выполнявшая функции финансового и рыночного центра страны, успела значительно продвинуться по пути развития капиталистической индустриальной экономики еще до реставрации Мэйдзи⁷². Тем не менее за прошедшие после 1868 года полвека город претерпел качественные изменения в экономической структуре, что привело к драматичным социальным и политическим преобразованиям. В свою очередь, Москва и российская экономика в целом пережили радикальные организационные и структурные сдвиги вследствие Великих реформ Александра II⁷³.

Чикаго, Москва и Осака росли с умопомрачительной быстротой: то были великие коммерческие центры, стоящие на пороге новой эпохи. Эти три города нельзя назвать традиционными центрами с глубоко укоренившейся, благородной культурной элитой (несмотря на то что история Москвы и Осаки насчитывала не одно столетие). Во всех трех городах была открыта дорога новым талантам. Противоречия, порожденные стремительным социальным и экономическим развитием, стимулировали талантливых людей – уроженцев города или переселенцев, которые зачастую становились у истоков целых отраслей знания. История этих городов убе-

дительно подтверждает гипотезу Питера Холла о том, что новаторство и переходный период в истории цивилизаций идут рука об руку. Двери Чикаго, Москвы и Осаки – городов, переживавших в начале XX века эпоху переходной экономики, – были распахнуты настежь.

Быстрые перемены в общественной и экономической жизни требовали для достижения успеха новых умений и навыков. Победителей и побежденных в новой экономической реальности определяли скорее сообразительность и острое чувство источников нарождающегося капитала, нежели традиционные связи. Все три города обладали качествами, которые, согласно Холлу, представляют собой обязательные предварительные условия для новаторства: они были относительно свободны от старых традиций, исполнены нервной энергии и укрепляли в новопривыкающих уверенность в том, что не существует границ возможного.

Чикаго, Москва и Осака были теми нецеремонными, несвязанными классами, неиерархичными центрами, которым Холл придает столь большое значение, объясняя, почему те или иные города в то или иное историческое время становятся средоточием творческого начала и исключительной восприимчивости к нововведениям⁷⁴. Их относительная открытость проявлялась особенно ярко в сравнении с национальными политическими и финансовыми центрами в Нью-Йорке, Вашингтоне, Санкт-Петербурге, Киото и Токио. Разумеется, некоторым аристократам с Восточного побережья удалось преуспеть в Чикаго; богатство пришло к некоторым бывшим самураям в Осаке и дворянам в Москве. Однако их успех объяснялся скорее способностью овладеть новой реальностью своих городов, чем фамильными связями или наследством.

Холл, в частности, отмечает, что в конце XIX столетия американское общество основывалось на массовой иммиграции, а также на приятии новых идей и концепций. Элита оказалась неспособна утвердить свой социальный статус, опираясь только на право рождения⁷⁵. В частности, элита времен правления династии Токугава вынуждена была доказывать свои заслуги и репутацию в глазах императора Муцухито в эпоху Мэйдзи, поглощенного идеей модернизации страны. Как показано в последующих гла-

вах, веками существовавшие в России социальные различия часто стирались и в Москве.

Тем из некогда привилегированных жителей Чикаго, Москвы и Осаки, которым удалось приобрести навыки выживания в условиях бурно развивающегося промышленного капитализма, было уготовано процветание⁷⁶. Самураи часто обладали знаниями, оказавшимися востребованными в эпоху Мэйдзи⁷⁷. Члены самурайского клана Токугава стали в Японии Мэйдзи администраторами, военными, учителями, клерками, финансовыми агентами, художниками, врачами и писателями⁷⁸. В то же время многие из представителей старой элиты не смогли приспособиться к темпу и образу мышления новой эпохи⁷⁹.

Примечательно, что многие из выдающихся деятелей Чикаго, Москвы и Осаки, о которых говорится на страницах этой книги, вышли из семей, до 1860-х годов пребывавших в безвестности⁸⁰. Например, почти половина московских семей, главы которых входили в высшие купеческие гильдии в 1873 году, достигли этого положения не ранее 1861 года, и только одна шестая из названных семей входила в эту прослойку до 1800 года⁸¹. Очень немногие из ранних представителей семейств Арморов, Филдов, Свифтов, Морозовых, Третьяковых, Шукиных, Сибусава, Номура или Фудзита смогли бы переступить порог фешенебельных клубов Нью-Йорка, Киото или Петербурга. Все они были баловнями молодого капитализма.

Старая элита и социальная фрагментация

Размеры конурбации и экономика переходного капитализма служат основанием для сравнительного изучения Чикаго, Москвы и Осаки в конце XIX – начале XX века. Здесь мы рассматриваем общества, которые претерпевали глубокие структурные изменения и пережили промышленную, коммерческую и технологическую революцию, преобразившую в конечном итоге жизнь людей на всей планете. Традиционным элитам, некогда господствовавшим в своих сообществах, часто не удавалось приспособиться к драматическим переменам в окружающем мире.

В авторитетном исследовании системы государственного образования в Чикаго Джулия Ригли отмечает, что многие ученые, трактующие социальную историю с точки зрения господства высших слоев общества, видели в рабочем движении лишь случайные атавистические вспышки⁸². При таком подходе не принимается во внимание то, в какой мере классовая борьба, предложив обществу ценности, отличные от воззрений доминирующих социальных групп, в действительности изменила капиталистический мир.

С точки зрения образовательной реформы – объекта исследования Ригли – «рабочие и представители профсоюзов выработали идеологию, которая во многом противоречила доктрине доминирующих слоев общества»⁸³. По отдельным вопросам школьной реформы представители рабочих семей и входившие в профсоюзы учителя заключали временные союзы с реформаторами из среднего класса или даже с деловыми кругами. Результатом стало не движение к более совершенному обществу, как могли бы предположить исследователи, стоящие на позициях плюрализма. «Образовательная политика в Чикаго, вплоть до отдельно взятой классной комнаты в государственной школе часто была следствием непрекращающейся, порою открытой, порою приглушенной политической борьбы, где победа, пусть и значительная, всегда половинчата и может быть сведена на нет»⁸⁴.

В условиях относительно слабой политической организации и неупорядоченного муниципального управления в Чикаго в конце XIX века эти схватки принимали довольно ожесточенный характер и не регулировались какой-либо одной могущественной политической партией. «В хаотическом мире Чикаго деловые круги, рабочие и прослойка «либеральных реформаторов» создавали при выработке своей политической программы независимые сильные организации»⁸⁵. Учитывая, что бывшее могущество традиционной элиты оказалось поколебленным, такая расчлененная социальная среда весьма благоприятствовала образованию временных прагматических альянсов.

По мере того как решающую роль в жизни городов стали играть деловые и, в особенности, финансовые интересы, в соревнование за сферы влияния в обществе включались

лись все новые социальные группы⁸⁶. Конечно же, разные социальные слои придерживались разной же политической стратегии⁸⁷. Белые уроженцы города имели доступ к избирательным урнам⁸⁸. Другие группы были вынуждены прибегать к внеизбирательным методам общественно-политической деятельности. Рабочие-иммигранты все сильнее вовлекались в профсоюзное движение; женщины среднего класса создавали разветвленную и эффективную сеть клубов, ассоциаций и благотворительных учреждений⁸⁹. Подобная внеизбирательная деятельность доказывает, что само по себе отсутствие всеобщих избирательных прав не перекрывало всех путей для личных или коллективных общественных действий. Конечно, развитие избирательного законодательства было непременным условием для установления политических институтов, основанных на открытости и терпимости. В то же время, как показано в посвященных Чикаго главах этой работы, относительно независимая судебная система в Чикаго обладала, пожалуй, не меньшим значением для мирного разрешения споров в обществе, чем общие и равные избирательные права.

Индустриализация, возникновение корпораций, вовлечение женщин в общественную жизнь, классовая борьба в ее насильственных формах, массовая иммиграция из Южной и Восточной Европы, а также экономическая депрессия 1893—1897 годов преобразили жизнь американцев⁹⁰. Действия этих факторов не избежала ни одна часть американского общества, притом что каждая группа пыталась обезопасить себя от наиболее разрушительных последствий кризиса. Однако именно в индустриальном городе-гиганте столкновение противоборствующих сил общества проявилось с наибольшей остротой⁹¹.

Одновременно в капиталистическом мире Чикаго и всей Америки происходила фрагментация власти. Эпоха воровских баронов была и эпохой укрепления корпоративной бюрократии. Около четверти века назад исследователи деловой и общественной истории стали наконец уделять должное внимание корпоративной жизни⁹². Они поставили под сомнение доводы, приводившиеся в более ранних научных спорах, – одни, согласно которым корпоративная реорганизация американского общества вос-

принималась как нечто чуждое американским ценностям и этническим стандартам⁹³, и другие, гласившие, что новый класс высокооплачиваемых служащих формировал рабочие места по своему образу и подобию⁹⁴. Так или иначе, возникновение новой прослойки получающих жалованье служащих, которых невозможно было причислить ни к богатым, ни к неимущим, изменило жизнь американцев.

Взаимоотношения между корпорациями и обществом в целом стало источником интересной двусмысленности. Развитие корпоративного среднего класса создало условия и для социальной фрагментации, и для социальной консолидации, порождая расчлененную гегемонию, при которой даже те, кто занимал командные политические и экономические высоты, были вынуждены терпеть других и даже заботиться о них. В эпоху, когда политика была раздробленной, гибкой и сфокусированной на конкретных задачах, в эпоху недостатка интеллектуальной связности и идеологической внятности, ни одна отдельная группа не могла властвовать в политической жизни безраздельно, несмотря на то что белые образованные мужчины-протестанты имели с точки зрения общественной деятельности несомненное преимущество⁹⁵.

Безусловно, классовая и этническая принадлежность имела в Америке «позолоченного века» немалое значение, что придает еще больше уверенности адептам классового подхода к урбанистической истории. Как отмечает Карен Савислак, «влияние и могущество коренных американцев-бизнесменов представляется исследователю городской истории вполне закономерным»⁹⁶. Тем не менее «многоликая реальность Чикаго подсказывает, что мы можем составить и более рельефный портрет чикагской и американской жизни, если только нас не интересуют единственно поиски примеров [социального] ‘господства’»⁹⁷.

Расчлененная гегемония и вынужденная терпимость

Проблема социального господства в Чикаго и других городах – очень непростая, особенно в тех урбанистиче-

ских сообществах, где политические институты зависят от результатов выборов. В исследовании Савислак, посвященном напряженным месяцам чикагской истории между Большим пожаром 1871-го и паникой 1873 года, показано, что большинство чикагцев приняли главную доктрину элиты янки, согласно которой достоинство и «общественное благо» следует в первую очередь связывать с образом независимого, свободомыслящего американца, не забывая о необходимости выслушивать все стороны⁹⁸. Контрасты городской жизни в Чикаго не исчезали никогда. Как показано в исследовании Савислак, в центре жаркой полемики оказались самые принципиальные вопросы общественного устройства. Местная элита часто становилась инициатором политических дебатов, но, как будет показано в главе 8, посвященной реформе городской хартии, они не всегда были успешными. Состязательность и соперничество преобладали над политикой примирения и уступок.

Понятия классовой гегемонии и общественного влияния вряд ли нуждаются в пояснениях; однако не все так просто с концепцией соперничества. Здесь вновь следует вспомнить о напряженной урбанистичности Чикаго, Москвы и Осаки: не отрицая значения капиталистического развития, индустриализации и технического прогресса для любого исследования этих городов в указанный период, автор настоящей работы стремится несколько изменить привычное русло историко-социологических изысканий, рассматривая эти три города как, в первую очередь, сверхкрупные урбанистические образования в переходный период. Такие города находятся в месте слияния мощных национальных и межнациональных сил и течений своего времени⁹⁹.

Жизнь большого города – будь то на пике капитализма, при социализме советского образца или в иных условиях – порождает настолько сложные и пространственно сжатые сообщества, что физическое соседство вынуждает взаимодействовать друг с другом совершенно разных людей. Существование в таком городе вряд ли можно назвать приятным. Добиться в таких условиях безусловного контроля над властью, денежными средствами и иными ресурсами не могут даже самые влиятельные группы. Приходит-

ся делать выбор – тяжелый выбор, который редко сводится к единственной альтернативе. Большие города порождают выбор. Здесь образуется пространство, насыщенность и разнообразие которого понуждает к уступкам и сложным компромиссам. Таков источник описываемого в этой работе прагматического плюрализма.

Таким образом, настоящее исследование посвящено вынужденной терпимости, а не демократии в классическом смысле¹⁰⁰. Политические альянсы в Москве и Осаке начала XX века вряд ли можно назвать демократичными, как понимают этот термин в североамериканском обществе конца XX столетия¹⁰¹. Горожане Чикаго имели несравненно больше возможностей участвовать в политической жизни города, чем москвичи или жители Осаки. Состязательные выборы в Чикаго – особенность местной политической жизни, составляющая коренное отличие муниципальной политики Соединенных Штатов от имперской России или Японии периода Мэйдзи – были открыты только для меньшинства городских жителей. Права голоса не имели женщины и иммигранты без гражданства¹⁰².

Умеренность и терпимость в великих вторых городах были следствием социальных сдвигов, связанных с высокими темпами городского развития и формированием промышленного капитализма. Разнообразие и сложность в конечном итоге оказали благотворное влияние на процессы городского развития: последнее вполне согласуется с выводами, сделанными в труде Питера Холла «Города в цивилизации». Многие жители городов воспринимают «многоликость, порождаемую сложной городской средой, как одну из самых привлекательных особенностей жизни в городе»¹⁰³. Одна из задач настоящего исследования – выявить условия возникновения этого многообразия.

Культурные и экономические особенности

Столичный размах, формирующийся капитализм, вынужденная терпимость и прагматический плюрализм Чикаго, Москвы и Осаки предоставляют достаточно оснований для проведения осмысленного сравнительного исследова-

ования¹⁰⁴. Гибкость коммерческих интересов и необузданный капиталистический экспансионизм – эти черты Чикаго, Москвы и Осаки не остались бы незамеченными обитателями любого из трех городов.

Разумеется, нельзя забывать и о существенных отличиях. Разный уровень индустриализации и экономического развития Соединенных Штатов, Японии Мэйдзи и имперской России составляет одно из наиболее значимых различий между тремя городами. К примеру, в 1912 году на среднего американца приходилось 500 киловатт-часов электроэнергии в год против 16 киловатт-часов на среднего россиянина в 1913 году¹⁰⁵.

Здесь уместно противопоставить историю социальной и политической конфронтации, которая играла решающую роль в жизни имперской России (необязательно Москвы), и более терпимую политическую культуру Америки, с большей легкостью приспособившуюся к реалиям социального плюрализма. В данном контексте особенно важными факторами представляются широкое, хотя и не всеобщее избирательное право и высокоразвитая судебная система в Соединенных Штатах¹⁰⁶. Склонность американцев к социальной ответственности и более открытому общественному устройству оставалась глубоко чуждой для граждан Российской империи. В политических же институтах Японии в эпоху Мэйдзи просматривались черты как российской, так и американской систем.

Различия между муниципальными режимами в Чикаго, Москве и Осаке обусловлены и своеобразием исторического момента, и общественным устройством. Чикаго вырос в современный метрополис в период между Большим пожаром 1871 года и Всемирной Колумбовой выставкой (Всемирной ярмаркой) 1893-го. Профессиональный политик Картер Генри Гаррисон-старший впервые занял кресло чикагского мэра в 1879 году. Ко времени избрания на эту должность в 1897 году его сына Картера Гаррисона-младшего, в Чикаго сложился принципиально новый политический режим.

Возникновение промышленного политического режима в Москве следует относить к 1890-м годам, когда к власти в городе пришло правительство градоначальника куп-

ца Николая Алексеева. Алексеев – противоречивая фигура: заслужив французский орден Почетного легиона за эффективное муниципальное управление, он одновременно вызвал вполне оправданную ненависть российского еврейства за участие в выработке и осуществлении постановлений имперского правительства о высылке еврейских купцов из Москвы¹⁰⁷.

Постоянное вмешательство Петербурга в московскую жизнь сковывало политические реформы, а пуля убийцы прервала карьеру самого Алексеева в 1893 году. Впрочем, хромающая эволюция московской системы муниципального управления продолжалась, пока ее вновь не прервала революция 1905 года, оставившая на теле российского государства глубокие социальные раны, так и не зажившие до распада империи в 1917-м.

Трансформация режима в Осаке началась с победы Японии в войне с Россией в 1905 году и закончилась с введением в 1926-м всеобщего избирательного права для мужчин в местных выборах. Секи Хаджиме, вероятно первый профессиональный урбанист во главе Осаки, пришел к власти в 1923 году. Жителям Осаки удалось завершить институциональную реформу городского управления как раз в тот период, когда Москву постигла совсем иная участь.

Наконец, не следует забывать о лихолетье русских революций, гражданских войн и катаклизмов в 1905—1907, 1917—1921 и 1928—1932 годах¹⁰⁸. Настоящее исследование исходит из предпосылки, что до 1907 года пореформенная Россия стояла на пути общественных преобразований, которые могли бы привести к формированию современного европейского государства.

В главах книги, посвященных зарождавшемуся в Москве гражданскому обществу, показано, что путь к реформам был далеко не прямым. Общественные, экономические и политические реформы в России сопровождались мучительными извивами политического курса. Для того чтобы царь пошел на уступки, потребовалось, ни много ни мало, унижительное поражение в войне с Японией и два года общественных беспорядков в стране. Тем не менее из революции 1905 года Россия вышла почти в чеховском обли-

че – с избираемым парламентом, органами местного самоуправления, нарождающимся средним классом, растущим частным сектором в промышленности, а также развивающимся сельским хозяйством и мелким фермерством.

Николай II сошел с пути европейского государственного строительства 3 июня 1907 года, когда его премьер-министр Петр Столыпин успешно срежиссировал консервативный парламентский переворот и отправил российских парламентариев в бессрочный отпуск¹⁰⁹. Вновь созванная Третья Дума, избранная по более жестким законам, поставила точку в российских демократических преобразованиях начала XX века. Начиная с 1907 года различия между Москвой, с одной стороны, и Чикаго и Осакой, с другой, становятся все более глубокими.

Контрасты между США, имперской Японией и царской Россией не означают, что политика социальной аккомодации в Соединенных Штатах всегда была успешной и последовательной¹¹⁰. Тем не менее эти различия позволяют глубже понять исторические судьбы Чикаго, Москвы и Осаки в XX столетии. Более того, различия между американским, японским и российским политическим опытом не лишают актуальности сравнительное изучение трех вторых городов в рассматриваемый период.

В настоящей работе не отрицается, что Соединенные Штаты, Россия и Япония, не говоря уж о Чикаго, Москве и Осаке, были и остаются очень разными во многих существенных аспектах повседневности. Местные особенности создают ту полную нюансов среду, которая заряжает исследователя энергией и побуждает его идти вперед. Как заметил чешский писатель Иван Клима, «город подобен человеку с его неповторимой личностью, его я, его духом, его своеобразием, обстоятельствами его жизни в их пространственном и временном развитии»¹¹¹.

Социальный анализ помогает лучше понять мир посредством выявления общих характеристик очень разных личностей. В данной работе выдвинут тезис о том, что мы способны глубже проникнуть в суть трех городов, не ограничиваясь изучением их отличительных особенностей, а рассматривая их как своего рода единую социальную форму, то есть как тип цветущего капиталистического второ-

го города в переходный период. Настоящее исследование призвано категорически опровергнуть утверждение о том, что Чикаго, Москва и Осака были городами несопоставимыми или единственными в своем роде.

Шесть социологических исследований

В книге исследуется значение политики прагматического плюрализма в Чикаго, Москве и Осаке посредством сравнения конкретных социально-политических конфликтов. В числе рассматриваемых ситуаций читатель найдет исторические эпизоды, в которых городскому сообществу или удалось разрешить конкретную социальную проблему, или же она оказалась погребена под грузом социального и экономического противостояния.

Каждый из рассматриваемых в последующих главах конфликтов соответствует критериям значимости, которые были определены для социологических исследований этого жанра Дэвидом Хэммаком¹¹². Все они оказали влияние на относительно большое число людей в трех урбанистических гигантах по причине перемен, происходивших в распределении ресурсов, в применении политических инструментов и в ценностях, убеждениях и информации, которые формировали общественное мнение в городском сообществе. Все рассматриваемые конфликты воспринимались как необычайно важные современными и будущими экспертами, влиятельными группами сообщества или крупными сегментами городского населения. Более того, для разрешения каждого из них потребовалось несколько лет¹¹³.

Необходимо отметить, что во всех шести рассматриваемых примерах критерии политической победы или поражения оставались весьма размытыми. Более того, для каждой из приведенных ситуаций невозможно сделать однозначный вывод об успехе или неудаче предпринятых в городе мероприятий. В трех более положительных примерах – битве за транспорт в Чикаго, образовательной реформе в Москве и возрождении осакского порта – показано, как прагматическая политика компромиссов привела к некоторому, хоть и не безусловному, улучшению

качества жизни горожан. Три отрицательных примера – реформа городской хартии Чикаго, жилищная и санитарная реформа в Москве и программы социальной помощи в Осаке – показывают, как прагматизм и политика компромиссов не сумели преодолеть глубоко укоренившиеся конфликты и противоречия в обществе.

За городскими зарисовками в части I и социологическими исследованиями в частях II и III настоящей работы следуют две заключительные главы, первая из которых посвящена карьере четырех градоначальников, которые, на наш взгляд, олицетворяли политику плюрализма во вторых метрополисах – Картера Генри Гаррисона-старшего, Картера Генри Гаррисона-младшего, Николая Алексея и Секи Хаджиме. Несмотря на все различия в характерах, национальной культуре, образовании и социальном статусе Гаррисоны, Алексеев и Секи успешно противостояли практическим проблемам, сопряженным с управлением огромными, глубоко фрагментированными и стремительно меняющимися городами на пике капиталистической трансформации. Они не раз проявляли политическую мудрость, позволявшую нейтрализовать наиболее глубокие конфликты в их городах. Стремление к нахождению прагматических решений самых животрепещущих проблем часто способствовало превращению непримиримого идеологического противостояния в тактические формы.

Очерки политической карьеры четырех градоначальников возвращают читателя к фундаментальным вопросам об урбанизме конца XIX века, поставленным в начале этой книги и рассматриваемым в ее заключительной главе. Как удавалось городским лидерам выработать социально диверсифицированный, плюралистичный подход к проблемам безудержно растущего капиталистического города? Каким было соотношение гражданского и классового сознания в позднеимперской России?

Чикаго, Москва и Осака выросли из очень разных национальных культур. Тем не менее их объединяет уникальный опыт политической терпимости и прагматического плюрализма в период, когда эти три города вступили в эпоху капиталистического взрыва и социального многообразия. Узорчатая многополярная политическая игра приводила к

образованию удивительных коалиций, сам факт существования которых отрицал возможность социального господства какой-либо одной элиты или группы. Достижение успеха политики и гражданские лидеры восприняли урбанистическую сложность как данность: городское управление было для них процессом, а не серией конечных политических результатов. Озарения, сопутствовавшие данной фазе городской истории, пронизывают время и пространство.

Управление Чикаго, Москвой и Осакой не было простой задачей. Замечание Эдварда Кантовича, сделанное им о чикагской политике в рассматриваемый период, справедливо и в отношении Москвы и Осаки. «Политика равновесия, – писал Кантович, – звучит как нечто очень скучное, как синоним здорового консерватизма; однако ничто не может быть дальше от правды. На самом деле удержание политического равновесия в растущем, раздробленном городе – это высокодинамичное, даже отважное действие»¹⁴. Власть напрямую зависела от способности уравнивать с поразительной ловкостью и гибкостью взрывной рост и ошеломительное многообразие таких «вулканоподобных» центров. Успех основывался на вполне определенном политическом ресурсе, рождавшем Чикаго, Москву и Осаку – прагматическом плюрализме.

Примечания

¹ Об этом убедительно говорит Роналд Григор Сани в классической работе, посвященной социальной истории Октябрьской революции: «По понятным причинам историкам бывает сложно отвлечься от испытываемой ими симпатии или, наоборот, отвращения к Советскому Союзу при изучении революционных лет российской истории. Зачастую история воссоздается «задом наперед», то есть предпосылками выступают партийная диктатура, Сталин, коллективизация и «большие чистки», и только потом историк возвращается к бурным дням 1917-го и к предреволюционной эпохе, пытаясь выяснить, что же произошло». Ronald Grigor Suny, *Toward a Social History of the October Revolution*, *American Historical Review* 88, no. 1, pp. 31–52: 31.

² Такие общины рассматриваются в важной монографии Дэниела Брауэра: Daniel R. Brower, *The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900* (Berkeley: University of California Press, 1990).

³ Эта двойственность представляет собой предмет серьезного исследования Брауэра. Там же.

⁴ Louise McReynolds, *Urbanism as a Way of Russian Life*, *Journal of Urban History* 20, no. 2 (February 1994), pp. 240–251: 250. Примечательно, что наблюдения Мак-Рейнольдс о значении, которое придает американская историография о России проблемам рабочего класса и классовым противоречиям, предварялись в более ранних работах американских историков, где сходные мысли высказывались в отношении историографии США. См. работу Кэтлин Нейлз Конзен, опубликованную за полтора десятка лет до книги Мак-Рейнольдс: Kathleen Neils Conzen, *Community Studies, Urban History, and American Local History*, in Michael Kammen, ed., *The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the United States* (Ithaca: Cornell University Press, 1980), pp. 270–291. Конзен утверждает, что лучшие из этих работ «представляют собой творческое смешение урбанистической истории и истории рабочего класса» (с. 283). Исследования российской местной истории лишь иногда воспроизводят такую «творческую мешанину».

⁵ Джеймс Бейтер, Джозеф Брэдли, Джеффри Брукс, Дэниел Брауэр, Уильям Чейз, Катерина Кларк, Тимоти Колтон, Барбара Альперн Энгель, Уильям Глизон, Майкл Хэм, Патриция Герлихи, Роберт Э. Джонсон, Диана Кенкер, Стивен Коткин, Джоан Ньюбергер, Томас Оуэн, Альфред Дж. Райбер, Роберт У. Тэрстон, Джеймс Л. Уэст и Дэвид Вольф, так же как и сама Мак-Рейнольдс, – лишь немногие из известных американских и канадских ученых, которые занимались городской тематикой в своих исследованиях российской истории. В библиографии приведены основные работы этих ученых.

⁶ Эти наблюдения выдвинуты также Мэри Шеффер Конрой во введении к исследованию зарождающихся демократических институтов в последние десятилетия существования Российской империи. См.: Mary Schaeffer Conroy, *Introduction*, in Mary Schaeffer Conroy, ed., *Emerging Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-Government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council Before and During World War One*, (Niwot: University of Colorado Press, 1998), pp. 1–29.

⁷ Suny, *Toward a Social History...*, p. 32.

⁸ Это положение развивается в работах: Joseph C. Bradley, *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia* (Berkeley: University of California Press, 1985), pp. 3–5; Henry D. Smith II, «Tokyo as an Idea: An Exploration of Japanese Urban Thought until 1945» *Journal of Japanese Studies* 4, no. 1 (Winter 1978), pp. 45–80.

⁹ Irving Cutler, *Chicago: Metropolis of the Mid-Continent*, 3^d ed. (Dubuque, Iowa: Kendall/Hunt, 1982), Appendix A.

¹⁰ Robert W. Thurston, *Liberal City, Conservative State: Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906–1914*. (Oxford, U. K.: Oxford University Press, 1987), pp. 197–198; Адольф Григорьевич Рашин, *Население России за 100 лет (1811–1913 гг.)*. Статистические очерки (М., Госстатиздат, 1956), с. 115.

¹¹ Anthony Sutcliffe, Introduction: Urbanization, Planning, and the Giant City, in Anthony Sutcliffe, ed., *Metropolis, 1890—1940* (Chicago: University of Chicago Press, 1984), pp. 1—18: 7.

¹² Рассматривая историю Чикаго, Москвы и Осаки в указанный период, нельзя недооценивать значение революционных преобразований в сфере транспорта. В последующих главах истории транспорта посвящено немало страниц, подтверждающих, в частности, тезисы Уильяма Мак-Нейла о важности развития транспорта для современной экономики. См.: William H. McNeill, *The Eccentricity of Wheels, or Eurasian Transportation in Historical Perspective* *American Historical Review* 92, no. 5 (December 1987): pp. 1111—1126; William H. McNeill, *The Changing Shape of World History*, in Philip Pomper, Richard H. Elphick, and Richard T. Vann, eds., *World Historians and Their Critics* (Middletown, Conn.: Wesleyan University, 1995), pp. 8—26.

¹³ А. Михайловский, *Муниципальная Москва*, в сборнике: *По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительским учреждениям*, под ред. Н. А. Гейнике, Н. С. Елагина, Н. А. Ефимова и И. И. Шитц (М., Издание М. и С. Сабашниковых, 1917), с. 121—158: 121.

¹⁴ О сочетании «исключительного» и «представительного» в Чикаго интересно говорит Карен Савислак: Karen Sawislak, *Smoldering City: Chicagoans and the Great Fire, 1871—1874* (Chicago: University of Chicago Press, 1995), pp. 9—11.

¹⁵ О зарождении в России гражданского общества в преддверии Первой мировой войны и, в особенности, о связи молодых гражданских институтов с русским искусством аргументированно пишет в недавней работе Эрон Джозеф Коэн: Aaron Joseph Cohen, *Making Modern Art National: Mass Mobilization, Public Culture, and Art in Russia during the First World War* (Ph.D. diss., Johns Hopkins University, 1998).

¹⁶ Christine Ruane, *Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860—1914* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1994), p. 4.

¹⁷ Там же, с. 195.

¹⁸ Таким образом, настоящее исследование основывается на работе Роберта Тэрстона, впервые проследившего сходство между городской администрацией Москвы и других городов в указанный период. См.: Robert Thurston, «*Liberal City, Conservative State*».

¹⁹ Anthony Sutcliffe, Introduction: The Giant City as a Historical Phenomenon, in Theo Barker and Anthony Sutcliffe, eds., *Megalopolis: The Giant City in History* (London: St. Martin's, 1993), pp. 1—13: 1. Этот сборник эссе составлен из сообщений на проходившем в 1990 году в Мадриде Международном историческом конгрессе, основной темой которого было исследование феномена мегаполисов.

²⁰ Фраза, использованная Генри Фрэнсисом Малгрейвом в его предисловии к новому изданию работы Отто Вагнера: Otto Wagner, *Modern Architecture. A Guidebook for his students to this Field of Art*, intr. and trans. Henry Francis Mallgrave (Santa Monica, Calif.: Getty Center for the History of Art and Humanities, 1988), pp. 1—55: 11.

²¹ Это отмечает Петер Ханек в следующем эссе: *Urbanization and Civilization: Vienna and Budapest in the Nineteenth Century*, in Peter Hanek, ed., *The Garden and the Workshop: Essays on the Cultural History of Vienna and Budapest* (Princeton: Princeton University Press, 1998), pp. 3—43: 3.

²² Как показано в работе Джона Боднара: John Bodnar, *Remaking America: Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth Century* (Princeton: Princeton University Press, 1992), p. 35.

²³ Исследование темы развития промышленных метрополисов содержится в работе Питера Холла: Peter Hall, *Metropolis, 1890—1940: Challenges and Responses*, in Sutcliffe, ed., *Metropolis...*, pp. 19—66.

²⁴ Peter Fritzsche, *Reading Berlin, 1900* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996), pp. 28—29.

²⁵ См., например, следующие работы: Christopher Prendergast, *Paris and the Nineteenth Century* (Cambridge, Mass.: Blackwell, 1992); Marshall Berman, *All That Is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity* (New York: Simon and Schuster, 1985).

²⁶ Sutcliffe, Introduction..., p. 3.

²⁷ Peter Hall, *Cities in Civilization* (New York: Pantheon, 1998), p. 612.

²⁸ Elizabeth Wilson, *The Sphinx in the City: Urban Life, the Control of Disorder, and Women* (Berkeley: University of California Press, 1991), p. 29.

²⁹ Carl Abbott, *Thinking About Cities: The Central Tradition in U.S. Urban History*, *Journal of Urban History* 22, no. 6 (1996), pp. 687—701: 698.

³⁰ Sigmund Krausz, *Street Types of Chicago: Character Studies* (Chicago: Max Stern and Co., 1892).

³¹ Феномен «города-гиганта» конца XX столетия рассматривается в работах: Mattei Dogan and John D. Kasarda, eds., *The Metropolis Era, 2 vols.* (Beverly Hills: Sage, 1988); Anthony D. King, *Global Cities: Post-Imperialism and the Internationalization of London* (New York: Routledge, 1990); Saskia Sassen, *The Global city: New York, London, Tokyo* (Princeton: Princeton University Press, 1991); and Deyan Sudjic, *The 100-Mile City* (New York: Harcourt Brace, 1992).

³² Carl Abbott, *Thinking About Cities...* p. 688. А вот и второй важный вопрос, который ставит Эббот: «Как и почему эти люди собираются в больших городах?»

³³ Sally Ann Hastings, *Neighborhood and Nation in Tokyo, 1905—1937* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995), p. 196.

³⁴ В работе Мухаммеда Хальфани, посвященной его родному Дар-эс-Саламу, данный вопрос рассматривается в современном контексте: Mohamed Halfani, *Marginality and Dynamism: Prospects for the Sub-Saharan African City*, in Michael A. Cohen, Blair A. Ruble, Joseph S. Tulchin, and Allison M. Garland, eds., *Preparing for the Urban Future: Global Pressures and Local Forces* (Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 1996), pp. 83—107.

³⁵ David Hammack, *Problems of Power in the Historical Study of Cities, 1800—1960*» *American Historical Review* 83, no. 2 (April 1978), pp. 323—349: 333.

³⁶ Lawrence W. Kennedy, *Planning the City upon a Hill: Boston since 1630* (Amherst: University of Massachusetts Press, 1992), p. 253.

³⁷ См., например: Hammack, *Problems of Power...*; David C. Hammack, *Power and Society: Greater New York at the Turn of the Century* (New York: Russell Sage Foundation, 1982).

³⁸ Hammack, *Power and Society...*, p. 7.

³⁹ Там же, с. 7—19.

⁴⁰ Moisei Ostrogorski, *Democracy and the Organization of Political Parties* (New York: Macmillan, 1902).

⁴¹ Harvey Boulay and Alan DiGaetano, *Why Did Political Machines Disappear?* *Journal of Urban History* 12, no. 1 (November 1985): pp. 25—50: 26.

⁴² Hammack, *Power and Society...*, p. 19.

⁴³ Neil L. Waters, *Japan's Local Pragmatists: The Transition from Bakumatsu to Meiji in the Kawasaki Region* (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1983).

⁴⁴ Там же, с. 41.

⁴⁵ Там же, с. 41—42.

⁴⁶ Там же, с. 41.

⁴⁷ Более подробно о том, насколько «элитистский» подход к политике принижает роль отдельных деятелей, см.: Raymond E. Wolfinger, *The Politics of Progress* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1974), p. 11.

⁴⁸ Это отмечает Нельсон Польсби: Nelson W. Polsby, *Community Power and Political Theory: A Further Look at Problems of Evidence and Inference*, 2d ed. (New Haven: Yale University Press, 1980), p. 115.

⁴⁹ Более подробно о росте Манчестера см.: Hall, *Cities in Civilization...*, pp. 310—454.

⁵⁰ Sutcliffe, *Introduction...*, p. 1—13: 8.

⁵¹ Theo Barker, *London: A Unique Megalopolis?* In Barker and Sutcliffe, eds., *Megalopolis...*, pp. 43—60: 49.

⁵² Roy Porter, *London: A Social History* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995), p. 49.

⁵³ Anthony Sutcliffe, *Introduction...*, p. 8.

⁵⁴ Karl Polanyi, *The Great Transformation*. (New York: Farrar and Rinehart, 1944), p. 30.

⁵⁵ Эта ситуация иллюстрируется непостоянством банковской среды в Москве в этот период по сравнению с относительной стабильностью банков в Санкт-Петербурге. Московские акционерные общества, банки и торговые дома знали взлеты и падения. Коммерческие банки Санкт-Петербурга стремились сохранить свое положение, отдавая

предпочтение государственным ценным бумагам. Более подробно об этом см.: И. Е. Гиндин, *Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России*. (М., Госфиниздат, 1948).

⁵⁶ William L. O'Neill, *The Progressive Years: America Comes of Age*. (New York: Dodd, Mead, 1975), p. 2.

⁵⁷ Рима Лунин Шульц показывает это на примере исследования 400 предпринимателей в Чикаго до Большого пожара 1871 года. Rima Lunin Schultz, «*The Businessman's Role in Western Settlement: The Entrepreneurial Frontier: Chicago, 1833—1872*». (Ph.D. diss., Boston University, 1985), pp. 358—381.

⁵⁸ Frederick Cople Jaher, *The Urban Establishment: Upper Strata in Boston*, (New York, Charleston, Chicago, and Los Angeles). Urbana: University of Illinois Press, 1982), p. 476.

⁵⁹ Garry Wills, «*Chicago Underground*». *New York Review of Books*, October 21 1993, pp. 15—22: 16.

⁶⁰ Более подробно о Лондоне и Эдо-Токио см.: Roy Porter, *London: A Social History*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995); James L. McClain, John M. Merriman, and Kaoru Ugawa, eds., *Edo and Paris: Urban Life and the State in the Early Modern Era*. (Ithaca: Cornell University Press, 1994).

⁶¹ Robert H. Wiebe, *The Search for Order, 1877—1920*. (New York: Hill and Wang, 1967), p. 13.

⁶² Hammack, *Problems of Power...*

⁶³ Edward C. Banfield, and James Q. Wilson, *City Politics*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967), p. 47.

⁶⁴ Dietrich Rueschemeyer, Eveline Huber Stephens, and John D. Srephens, *Capitalist Development and Democracy*. (Chicago: Chicago University Press, 1992), p. 7.

⁶⁵ Там же, с. 78.

⁶⁶ Amy Bridges, *A City in the Republic: Antebellum New York and the Origins of Machine Politics*. (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1984).

⁶⁷ Lewis Mumford, «*What Is a City?*» In Donald . Miller, ed., *The Lewis Mumford Reader*, (New York: Pantheon, 1986), pp. 104—107: 107.

⁶⁸ Edward C. Banfield, *Introduction*, in Edward C. Banfield, ed., *Civility and Citizenship in Liberal Democratic Societies*. New York: Paragon House. 1992), p. xii.

⁶⁹ Milton L. Rakove, *Don't Make No Waves, Don't Back No Losers: An Insider's Analysis of the Daley Machine*. (Bloomington: Indiana University Press, 1975), p. 9.

⁷⁰ Joseph A. Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* (New York: Harper Torchbooks, 1975).

⁷¹ Крепостное право в России было отменено в 1861 году; модернизация Японии началась в 1868 году с падением сёгуната Токугава и с на-

чалом эпохи Мэйдзи. Рон Тоби и другие отмечают расширение межбанковских оптовых кредитных отношений, связанных с ориентацией на денежно-рыночные отношения, в первую очередь с сельскохозяйственными и индустриальными районами Японии, что привело к существенному изменению экономической и социальной структуры страны. Капитал перетекал от касты военных к купцам и сельскохозяйственным производителям.

О понятии «протоиндустриализации» см. работу Франклина Менделя, впервые объединившего экономики, которые пережили бурный рост в «традиционной, но рыночно ориентированной сельскохозяйственной промышленности». Franklin Mendels, «Proto-Industrialization: The First Phase of the Industrialization Process». *Journal of Economic History* 32, no. 1 (1972), pp. 241—261. См. также: Hans Medick, *The Proto-Industrial Family Economy*, in Perer Kriedte et al. eds., *Industrialization before Industrialization: Rural Industry in the Genesis of Capitalism*, (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1981).

Специалисты по экономической истории Японии, принимающие участие в обсуждении концепции протоиндустриализации, либо прямо используют модель Менделя, как, например, Рон Тоби, либо неявно описывают этот процесс, как, например, Томас С. Смит. См. Ronald P. Toby, «Changing Credit: From Village Moneylender to Rural Banker in Protoindustrial Japan». In Gareth Austin and Kaoru Sugihara, eds., *Local Suppliers of Credit in the Third World, 1750—1960*, (New York: St. Martin's, 1993), pp. 55—90; Thomas C. Smith, «Japan's Aristocratic Revolution». *Yale Review* 50 (Spring 1961), pp. 370—383; Thomas C. Smith, «The Agrarian Origins of Modern Japan». (New York: Atheneum, 1966); Thomas C. Smith, «Premodern Economic Growth: Japan and the West». *Past & Present* 60 (1973), pp. 127—160; Thomas C. Smith, «Political Change and Industrial Development in Japan: Government Enterprise, 1868—1880». (Stanford: Stanford University Press, 1955); Thomas C. Smith, *Native Sources of Japanese Industrialization, 1750—1920*. (Berkeley University of California Press, 1988). Значительный вклад Смита в изучение истории японской экономики получил признание в работе Осаму Сайто: Osamu Saito, «Bringing the Covert Structure of the Past to Light *Journal of Economic History* 49, no. 4 (1989), pp. 992—999. Сайто отмечает, что описание процесса «протоиндустриализации» у Смита предшествовало работам Менделя и Медика. См. также: W. Mark Fruin, *Kikkoman: Company, Clan, and Community*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983); David L. Howell, *Capitalism from Within: Economy, Society, and the State in a Japanese Fishery*. (Berkeley: University of California Press, 1995).

Аркадиус Кахан, исследующий историю экономики России и российского еврейства, также отмечает некоторую тенденцию к «протоиндустриализации» в развитии экономики Российской империи, хотя, подобно Смигу, не указывает прямо на понятие «протоиндустриализации». См.: Arcadius Kahan, *Notes on Jewish Entrepreneurship in Tsarist Russia*, in Greg Guroff and F. V. Carstensen, eds., *Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union*, (Princeton: Princeton University

Press, 1983), pp. 104—124; а также другие эссе, написанные Каханом: Arcadius Kahan, *Essays in Jewish Social and Economic History* Roger Weiss ed. (Chicago: University of Chicago Press, 1986; Arcadius Kahan, *Studies and Essays on the Soviet and East European Economies*. Peter B. Brown, ed., 2 vols. (Newtonville, Vt.: Oriental Research Partners, 1992, 1994); Arcadius Kahan, *The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. (Chicago: University of Chicago Press, 1985).

⁷² Nobutaka Ike, *The Beginnings of Political Democracy in Japan*. (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1950), p. 12. О развитии японской экономики в эпоху Токугава см.: E. Sydney Crawcour, «The Tokugawa Heritage», in William W. Lockwood, ed., *The State and Economic Enterprise in Japan: Essays in the Political Economy of Growth*, (Princeton: Princeton University Press, 1965), pp. 17—44; Kazushi Ohkawa, and Henry Rosovsky, «A Century of Japanese Economic Growth», in William W. Lockwood, ed., *The State and Economic Enterprise in Japan. Essays in the Political Economy of Growth*, (Princeton: Princeton University Press, 1965), pp. 47—92.

⁷³ Jeffrey Burds, *Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861—1905*. (Pittsburg: University of Pittsburg Press, 1998), p. 17.

⁷⁴ Hall, *Cities in Civilization...*, pp. 3, 493.

⁷⁵ Там же, с. 305.

⁷⁶ E. Patricia Tsunami, *Factory Girls: Women in the Thread Mills of Meiji Japan*. (Princeton: Princeton University Press, 1990), p. 41.

⁷⁷ Gary Allinson, *Japanese Urbanism: Industry and Politics in Kanya, 1872—1972*. (Berkeley: University of California Press, 1975), pp. 28—29; Bernard S. Silberman, «Ministers of Modernization: Elite Mobility in the Meiji Restoration, 1868—1873». (Tucson: University of Arizona Press, 1964), pp. 11—19, 32—33; Smith, *Political Change*, pp. 31—34, 101—3.

⁷⁸ Allinson, *Japanese Urbanism...*, p. 28—29.

⁷⁹ R. Portal *Industries moscovites: le secteur cotonnier (1861—1914)*. *Cahiers du monde Russe et Sovietique* 4, 102 (January—June 1963), pp. 5—46: 9.

⁸⁰ Этот тезис подчеркивается Зилберманом в его оригинальных работах о социальной изменчивости элиты. См., например: Silberman, «Ministers of Modernization...»

⁸¹ А. С. Нифонтов, *Москва во второй половине XIX столетия. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 26 марта 1947 года в лекционном зале в Москве*. (М., Издательство Правда, 1947), с. 7.

⁸² Julia Wrigley, *Class, Politics, and Public Schools: Chicago, 1900—1950*. (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1982), pp. 9—15.

⁸³ Там же, с. 262.

⁸⁴ Там же, с. 270. Nell Irvin Painter, *Standing at Armageddon: The United States, 1877—1919*. (New York: Norton, 1987), pp. xix—xx.

⁸⁵ Wrigley, *Class, Politics...*, p. 22.

⁸⁶ Richard L. McCormick, «Public Life in Industrial America, 1877—1917». In Eric Foner, ed., *The New American History*, (Philadelphia: Temple University Press, 1990), pp. 93—177: 99.

⁸⁷ Peter G. Filene, «An Obituary for «The Progressive Movement»» *American Quarterly* 22 (1970), pp. 20—34: 23.

⁸⁸ McCormick, «Public Life...», p. 96.

⁸⁹ Там же, с. 101.

⁹⁰ Paula Baker, *The Domestication of Politics: Women and American Political Society, 1780—1920*. *American Historical Review* 89, no. 3 (1984), pp. 620—647; Alan M. Kraut, *The Huddled Masses: The Immigrant in American Society 1880—1921*. (Arlington Heights, Ill.: Harlan Davidson, 1982); Richard Oestreicher, «Urban Working Class Political Behavior and Theories of American Electoral Politics, 1870—1940». *Journal of American History* 74, no. 4 (1988), pp. 1257—1286; Glenn Porter, *The Rise of Big Business, 1860—1920*. 2d ed. (Arlington Heights, Ill.: Harlan Davidson, 1992); Stephen Skowronek, *Building a New American State: The Expansion of National Administrative Capacities, 1877—1920*. (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1982).

⁹¹ Jane Addams, *The Spirit of Youth and the City Streets*. (New York: Macmillan, 1909), p. 141.

⁹² Alfred Dupont Chandler, Jr. *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977); Olivier Zunz, «Making America Corporate, 1870—1920». (Chicago: University of Chicago Press, 1990), esp. pp. 1—7.

⁹³ Thorstein Veblen, «The Theory of the Leisure Class. 1899. Reprint, (New York: Viking Press, 1967); Thorstein Veblen, «The Instinct of Workmanship and the State of the Industrial Arts». (New York: B. W. Huebsch, 1918); Thorstein Veblen, *Higher Learning in America: A Memorandum on the Conduct of Universities by Business Men*. (New York: B. W. Huebsch, 1918); Robert and Helen Lynd, *Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts*. (New York: Harcourt, Brace, 1937); C. Wright Mills, *The Power Elite*. (New York: Oxford University Press, 1956); C. Wright Mills, «White Collar: The American Middle Classes». New York: Oxford University Press, 1951).

⁹⁴ Richard Hofstadter, «The Structure of American History (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964); Richard Hofstadter, «The Progressive Movement (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1963); Richard Hofstadter, «The Age of Reform: From Bryan to F.D.R.». (New York: Knopf, 1955); Richard Hofstadter, *The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington*. (Chicago: University of Chicago Press, 1979).

⁹⁵ Daniel T. Rodgers, «In Search of Progressivism». *Reviews in American History* 10, no. 4 (December 1982), pp. 113—132.

⁹⁶ Sawislak, *Chicagoans and the Great Fire...*, p. 16.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, с. 279.

⁹⁹ Sharon Zukin, *The Culture of Cities* (Cambridge, Mass.: Blackwell, 1995), p. 46.

¹⁰⁰ Guillermo O'Donnell, and Philippe C. Schmitter, *Defining Some Concepts (and Exposing Some Assumptions)*, in Guillermo O'Donnell, Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead, eds., *Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy*, (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986), Part IV, (Tentative Conclusions about Uncertain Democracies.), pp. 6—15: 7.

¹⁰¹ Особое мнение о критериях оценки и определения «демократии» в конце XX века см.: Juan J. Linz, *Crisis, Breakdown, and Reequilibration*, in Juan J. Linz and Alfred Stepan, eds., *The Breakdown of Democratic Regimes*, (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978), pp. 3—124: 5—9.

¹⁰² Более подробно см.: Michael Wallace Homel, «Negroes in the Chicago Public Schools, 1910—1941». (Ph.D. diss., University of Chicago, 1971).

¹⁰³ Larry Bennett, *Fragments of Cities: The New American Downtowns and Neighborhoods*. (Columbus: Ohio State University Press, 1990), p. 9.

¹⁰⁴ Модернизация Москвы не очень отставала от западноевропейской модернизации. Например, к началу Первой мировой войны количество абонентов телефонной сети на тысячу жителей Москвы было приблизительно равно количеству абонентов в Германии, Голландии и Великобритании. П. В. Сытин, *Коммунальное хозяйство. Благоустройство Москвы в сравнении с благоустройством других больших городов* (М., Новая Москва, 1926), с. 162.

¹⁰⁵ Jonathan Coopersmith, *The Electrification of Russia, 1889—1926*. (Ithaca: Cornell University Press, 1992), p. 47.

¹⁰⁶ Robert Dahl, *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. (New Haven: Yale University Press, 1961).

¹⁰⁷ Walter S. Hanchett, *Moscow in the Late Nineteenth Century: A Study in Municipal Self-Government*. (Ph.D. diss., University of Chicago, 1964), p. 141. В 1887 году цenz еврейского населения Москвы был установлен в 0,5%, менее трети от величины, установленной в 1882 году, когда власти Санкт-Петербурга выселили несколько десятков тысяч евреев за черту оседлости, на запад. Timothy J. Colton, *Moscow: Governing the Socialist Metropolis* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995), p. 35. Следующая высылка семей еврейских предпринимателей была предпринята в 1891 году, при градоначальнике Алексееве. Jo Ann Ruckman, *The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840—1905*, (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1984), pp. 23—24. В то же время Алексеев вместе с министром финансов Сергеем Витте успешно противостоял указам, ограничивающим коммерческую деятельность евреев в Бухаре, так как это угрожало процветанию его мануфактур. Thomas Owen, *Capitalism and Politics in*

Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1853—1905». (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1981), p. 103.

¹⁰⁸ Joan Neuberger, Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900—1914». (Berkeley: University of California Press, 1993).

¹⁰⁹ Abraham Ascher, The Revolution of 1905. Vol. 2; Authority Restored. (Stanford: Stanford University Press, 1992).

¹¹⁰ Edgar Litt, Beyond Pluralism: Ethnic Politics in America». (Glenview III.: Scott Foresman, 1970).

¹¹¹ Ivan Klima, The Spirit of Prague and Other Essays». Trans. Paul Wilson. (New York: Granta, 1994), p. 39.

¹¹² Hammack, Problems of Power», pp. 323—349: 345—46; Hammack, Power and Society..., p. 22.

¹¹³ Hammack, Power and Society..., p. 22

¹¹⁴ Edward R. Kantowicz, Carter H. Harrison II: The Politics of Balance, in Paul M. Green and Melvin G. Holli, eds., The Mayors: The Chicago Political Tradition (Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987), p. 16.

Часть I Три индустриальных гиганта

Поркополь*

Чикаго на рубеже XX века был волшебным городом страны Оз. Опубликованная в 1900 году сказка уроженца Чикаго Л. Фрэнка Баума о неискушенных фермерах со Среднего Запада, влекомых в чудесный город опасностей и наслаждений (позже по ее мотивам был снят ставший классическим американский кинофильм), была написана под впечатлением от его родного города – кишашего чародеями, напуганными соломенными человечками и злыми соседями¹.

Занявшее менее полувека превращение Чикаго из поля дикого лука во второй город Северной Америки достойно всяческого удивления². Время, прошедшее с вынужденного отказа индейских аборигенов от своих территориальных прав в 1833 году до признания за городом статуса крупнейшего транспортного центра континента, сопоставимо с продолжительностью человеческой жизни³.

Динамизм и многоликость Чикаго проявились как в развитии его инфраструктуры, так и в системе городского управления. Успешные политики в этом суматошном мире были вынуждены играть роль посредников между раздробленными и децентрализованными общественными, деловыми и политическими институтами. Достигшие высот боссы Чикаго той эпохи правили городом не столько посредством сильной руки, сколько благодаря умению находить компромиссы между соперничающими группировками в окутанных клубами сигарного дыма задних комнатах баров. Их успехи основывались на иллюзиях страны Оз в той же мере, в какой объяснялись знанием жесткой, эмпирической реальности.

---

* Свиной город.

Если, как утверждает Присцилла Паркхерст Фергюсон, современность, часто приписываемая Парижу XIX столетия, «обусловлена [его] мобильностью, вечно незавершенной, всегда условной природой его настоящего и неизбежностью перемен», то в XIX веке не было, пожалуй, более современного города, чем Чикаго⁴. Вряд ли можно было найти более современное сборище авантюристов, пройдох и политических воротил, чем то, что управляло этим Городом Ветров. Как показано далее в кратком обзоре истории города, Чикаго конца XIX века был вечно незавершенным и условным хотя бы потому, что города не существовало еще в начале того же, XIX века. Русский путешественник Александр Лакье сетовал в 1857 году, что в Чикаго невозможно купить точного плана города или путеводителя, так как новые улицы прокладываются с такой быстротой, что карты устаревают, не успев выйти в свет⁵. Стражи и отцы города не реже приезжих приходили в растерянность от буйного, подчас неуправляемого роста окружавшего их молодого метрополиса.

Рожденный стать метрополисом

Возвышение Чикаго было в известной степени предопределено еще геологическими процессами ледникового периода и последующими аллювиальными отложениями. Расположенный поперек самого южного из континентальных водоразделов Северной Америки, проходящего по гребню высотой всего в десять футов и разделяющего две важнейшие речные артерии (реку Святого Лаврентия, идущую от Великих Озер к Атлантике, и Миссисипи, впадающую на юге в Мексиканский залив), Чикаго обладал значительным естественным преимуществом⁶. Успех Чикаго проистекает из взрывного взаимодействия человека с природой⁷. Осуществление масштабного проекта – строительство Чикагского санитарного и судоходного канала – положило начало процессу, превратившему крохотное пограничное поселение в первый по значению транспортный центр Северной Америки⁸.

Официальная история Чикаго начинается с прибытия в эту местность первого иноземца – Батиста Пуанта Дю

Сэбла. Дю Сэбл родился на Гаити в 1745 году – он был сыном француза и чернокожей вольноотпущенницы⁹. Удачливые коммерсанты Дю Сэбл и его жена Киттхава, происходившая из племени потаватоми, соорудили близ озера Мичиган торговый комплекс, который уже спустя некоторое время насчитывал девять строений, включая первый в Чикаго элегантный особняк на берегу озера. После смерти жены в 1809 году Дю Сэбл удалился в Сент-Чарльз, штат Миссури, где и жил до своей кончины в 1818 году.

Переселенцы с севера штата Нью-Йорк и из Новой Англии наряду с иммигрантами-европейцами изменяли лик Чикаго с такой быстротой, что ни одна из городских элит не могла добиться подавляющего превосходства в местной общественно-политической жизни¹⁰. То был раздробленный город, где соседствовали «роскошь и трущобы, курорт и бурлящее иммигрантское гетто, скотобойни и деловые конторы, проститутки и ригористы»¹¹.

Живость и социальная мобильность города порождали стремление к исконно американским элементам в коммерции, промышленности и искусстве. В Чикаго устремились капиталы американского Среднего Запада, что позволило революционным образом изменить зерно-, деревообрабатывающую и мясную промышленность¹². Оставаясь политической столицей одного лишь графства, Чикаго стал прообразом капиталистического метрополиса XX века¹³.

Предприимчивость и изобретательность были присущи всем американским городам¹⁴. Однако успехи Чикаго сообщили городу такую дерзость и охотничий азарт, что, согласно публицисту Линкольну Стеффенсу, в Чикаго развилась тяга к риску, исключительная даже по американским меркам. Не важно, кто вы, откуда прибыли или каковы ваши намерения, – писал Стеффенс, – Чикаго даст вам шанс¹⁵.

Всеобщая дерзость позволила молодому, буйному, неожиданно выдвинувшемуся Чикаго вступить в конкурентную борьбу с более старыми городами Соединенных Штатов за экономическое господство над огромными и неслышанно богатыми территориями Среднего Запада¹⁶. Чикаго вырос в процветающий, населенный энергичными людьми город, неустанно стремящийся к новым рубежам.

Чикагские авантюристы с пафосом рассуждали об отмене рабства и одновременно усматривали в конфликте между Севером и Югом необычайно выгодные деловые возможности¹⁷. Во время Гражданской войны 1861—1865 гг. Чикаго превратился в важнейший для Америки рынок скота, центр производства мороженого мяса и железнодорожный узел. Представители чикагской деловой элиты немедленно завязали контакты с Восточным побережьем — главным образом с Нью-Йорком — с целью создания масштабной сети железных дорог с центром в Чикаго. Ньюйоркцы, зависевшие в своей торговле с западными штатами от партнеров со Среднего Запада, щедро инвестировали в экономику Чикаго — город был в рекордно короткие сроки отстроен после Большого пожара 1871 года¹⁸. Уже через десять лет Чикаго соперничал с Нью-Йорком за господство над всей североамериканской экономикой¹⁹.

Необычайные экономические достижения Чикаго свели воедино товарный рынок и финансовые ресурсы — по мере того как местные финансисты с удивительной изобретательностью находили новые пути для превращения физического продукта в денежные потоки. Для расширения экономического влияния Чикаго, подобно Москве и Осаке, в полной мере использовал свою роль как транспортного стержня страны²⁰. Город вышел на первое место по использованию передовых технологий в строительстве (применение деревянных балочно-стоечных, а позже стальных каркасов), массовой электрификации, зернохранении, транспорте и пищевой промышленности²¹. Чикагские магнаты обладали большей предприимчивостью и склонностью к новшествам, чем многие из их коллег с Восточного побережья²².

Рост Чикаго

Подобно многим американским городам той эпохи, Чикаго стремился стать домом для нового городского среднего класса²³. Значительный шаг в этом направлении был сделан благодаря городской политике, ориентированной на привлечение поселенцев с более высоким об-

разовательным уровнем, чем в других городах американского Запада²⁴.

Однако очень скоро Чикаголенд стал бурлящим котлом, где смешались огромные рабочие и иммигрантские общины²⁵. Чикаго справедливо заслужил репутацию города с крайне жесткими трудовыми отношениями²⁶. Город последовательно становился ареной для ожесточенных стачек 1870-х, получившего широкую известность бомбометания, совершенного в 1886 году анархистом на площади Хеймаркет, местом известной забастовки на заводах Пульмана в 1894-м и драматических мирных стачек на скотобойнях летом 1905-го²⁷. Как и в других городах Америки, в нем классовая политика часто растворялась в политике городского пространства, и одновременно стремление к социальной сегрегации рассредоточивало город и способствовало росту пригородов²⁸. Именно с сегрегацией связано обострение как классовых, так и расовых конфликтов.

В Америке расовые отношения оставались относительно мирными на протяжении всей последней четверти XIX столетия²⁹. Но этот хрупкий мир был нарушен с началом Великого переселения черных южан в индустриально развитые северные штаты в 1910-х и 1920-х.

В авторитетной Земле надежды Джеймса Р. Гроссмана запечатлен опыт афроамериканских мигрантов, прибывавших в Чикаго по Центральной железной дороге Иллинойса из штатов в дельте Миссисипи, дабы утвердиться на промышленно развитом Севере³⁰. По словам Пола Луиса Стрита, даже самая грязная работа на одной из «адовых» скотобоен могла показаться черному переселенцу глотком свободы³¹.

В 1910—1919 годах афроамериканская община Чикаго выросла более чем вдвое³². Переселявшиеся из Луизианы, Миссисипи, Алабамы, Арканзаса и Техаса афроамериканцы привнесли в Чикаго свежую струю, преобразившую местную культуру³³. Первый афроамериканец, ставший олдерменом Чикагского городского совета — Оскар де Приест — был избран в городской совет от Второго района в 1917 году³⁴. Энергичный, общительный, пламенный и бурный де Приест позже стал членом палаты представителей конгресса США³⁵.

Расовая сегрегация в избирательных округах де Приеста становилась все более грозным фактором городской жизни. Прибывавшие в Чикаго чернокожие южане селились в так называемом Черном поясе – ограниченном железнодорожными путями коридоре длиной в три и шириной в четверть мили³⁶. Расовое противостояние, усугубляемое «белым насилием» и попустительством властей, пагубно отражалось на городской жизни. Окончательно затмив этнические и классовые конфликты, расовый вопрос стал важнейшей социальной и политической проблемой в Чикаго после страшных расовых беспорядков лета 1919 года – событий, которые естественным образом обозначают исторические рамки настоящего исследования³⁷.

На протяжении всего рассматриваемого здесь периода натурализованные иммигранты представляли собой наиболее яркий слой чикагского общества³⁸. В конце XIX – начале XX века Чикаго оставался преимущественно немецким и ирландским городом³⁹. В то же время здесь проживало больше поляков, шведов, чехов, голландцев, датчан, норвежцев, хорватов, словаков, литовцев и греков, чем в любом другом американском городе⁴⁰.

Таким образом, Чикаго «позолоченного века»* в полной мере соответствовал тому типу технологически новаторского города, который описывает Питер Холл, пытаясь выяснить, почему определенные города обладают в то или иное историческое время особым творческим потенциалом. «Изобретательные предприниматели существуют везде, но их свершения наиболее вероятны в определенных географических областях. Такие местности характеризуются... средоточием развитых социальных и культурных структур, благоприятствующих концептуальным прорывам. То могут быть и старинные, космополитичные, проникнутые духом либерализма столичные центры, но чаще всего это новые городские поселения, которые служат транзитными пунктами между развитыми странами и лежащим за этими зарождающимися городами неведомым

* Период в американской истории, названный по одноименному произведению М. Твена.

миром. Их экономика претерпевает бурное развитие благодаря импорту товаров из этого развитого мира; им присущ высокий уровень иммиграции – особенно молодых людей, которых отличает экспериментальный и нетрадиционный подход к жизни. В таких городах существуют сильные, часто неформальные структуры, которые способствуют обмену техническими знаниями и концептуальными идеями. Барьеры на пути распространения новшеств столь низкие, что ими можно пренебречь; здесь постоянно идут поиски нового. Наблюдается чрезвычайно высокий уровень синергизма как между единомышленниками, так и между совершенно различными социальными, экономическими и культурными группами; таков архетип «открытого общества»⁴¹.

Дома и кварталы

Рассказ об эволюции Чикаго в рассматриваемый период следует начать с 8 октября 1871 года, когда ужасающий пожар уничтожил более двух тысяч акров плотно застроенной городской территории длиной в четыре и шириной примерно в три четверти мили⁴². Согласно статистическому отчету, сопровождающему подобные бедствия, во время и в результате пожара погибло около 300 чикагцев; почти 100 тысяч горожан остались без крова; пожаром было уничтожено около 18 тысяч строений, а имущественный ущерб составил почти 200 миллионов долларов (то есть почти треть оценочной стоимости города на то время)⁴³. Больше всего пострадали городские районы на севере от реки Чикаго, где кварталы были уничтожены почти полностью⁴⁴. Последовавшие муниципальные постановления, запрещавшие строительство деревянных сооружений в некоторых частях города драматическим образом изменили облик растущего метрополиса и его восприятие как обитателями, так и гостями Чикаго⁴⁵.

Большой пожар стал поворотным пунктом в истории Чикаго⁴⁶. Пожар оставил здесь неизгладимые психологические, политические, социальные и физические следы⁴⁷. Он сделал возможными многие из высочайших достижений

Чикаго – особенно в области архитектуры и городского планирования – и одновременно напомнил жителям города о преходящести человеческих творений.

Различные этнические группы Чикаго проживали в скученных, густонаселенных кварталах, располагавшихся вдоль главных транспортных артерий⁴⁸. Несмотря на то что кварталы формировались преимущественно по этническому признаку, мобильность горожан оставалась весьма высокой⁴⁹. В центре такого этнического квартала располагалась обычно церковь соответствующей конфессии, школа и – к восторгу посетившего в 1893 году Чикаго русского путешественника Николая Плиского – несколько салунов и пивных⁵⁰.

Городской пейзаж и повседневная жизнь большинства жителей города определялись в те годы нескончаемыми рядами старых деревянно-каркасных домов, а вовсе не эстетическими творениями архитекторов чикагской школы⁵¹. Эдит Эббот, одна из основателей уважаемой Школы администрирования социальных услуг при Чикагском университете, писала в отчете 1936 года о том, что Чикаго остается «городом односемейных домов и небольших многоквартирных зданий, сдаваемых в аренду»⁵². Так, в одно-, двух- и трехэтажном городе господствовали узкие (шириной в 25 футов*) деревянные дома, каждый из которых состоял из двух – реже трех – квартир и принадлежал живущему вдаль хозяину⁵³.

Летом 1900 года в отчете авторитетной городской комиссии Роберт Хантер обозначил озабоченность муниципальных властей жилищными условиями в арендуемых домах. Хантер и пять других уважаемых горожан – Анита Мак-Кормик Блэн, Джейн Эддамс, Кэролайн Мак-Кормик, Л. В. Ле-Мойн и Эрнест П. Бикнел, приглашенные Ассоциацией городских домов, провели одно из первых в истории Чикаго исследований жилищных условий в трущобах с применением социологической методологии. Работа Хантера и его коллег – «Жилищные условия в Чикаго» – стала образцом для последующих социальных исследований, включая изыскания Эббот и ее сотрудников⁵⁴.

* Около 7,5 метра.

Хантер утверждал, что устранение или смягчение таких зол, как перенаселение, неисправная водопроводная система и небрежность отсутствующих арендодателей, помогут городу избежать социальной патологии и болезней⁵⁵.

Ужасающие жилищные условия в Чикаго Хантер связывал с экономическими факторами. Изучая материалы, собранные в нескольких обособленных иммигрантских кварталах – польском, еврейском и итальянском, комиссия Ассоциации городских домов назвала жилищную проблему следствием максимизации прибыли⁵⁶. Арендодатели стремились извлечь из домовых участков максимально возможную выгоду, в то время как перенаселение комнат и барачков становилось средством, с помощью которого жильцы фактически снижали арендную плату за каждое место. Такая стратегия, высказывал опасение Хантер, приведет к пагубным последствиям, побуждая бережливых и энергичных представителей рабочего класса, то есть надежду Чикаго, увеличивать долю жилья, не отвечающего муниципальным стандартам⁵⁷.

Выстроенные на узеньких полосках земли длиной от 100 до 125 футов, чикагские доходные дома практически не имели дворов и доступа к дневному свету и свежему воздуху⁵⁸. Как отмечали Хантер и его коллеги, особенно тяжелую проблему представляли собой дома на задворках⁵⁹. Дабы увеличить доход от домового участка, хозяева часто переносили старые деревянные дома на его заднюю половину, а на прилегающей к дороге части выстраивали новый, больший по размерам и часто кирпичный доходный дом⁶⁰. Ухудшались санитарно-гигиенические условия – в большинстве домов для бедных не было канализации, а дома на задворках вовсе не имели удобств. «Чистота в Чикаго, – заключали Хантер и его коллеги, – это почти роскошь, за нее приходится дорого платить»⁶¹.

К началу Первой мировой войны подавляющее большинство доходных домов в Чикаго были электрифицированы, более чем к половине из них были подведены водопровод и канализация⁶². Низкое качество строительства, скверное техническое обслуживание, скудное освещение и недостаток свежего воздуха часто становились причиной общественного возмущения, что привело в 1879—1881 го-

дах к принятию первых важных городских законов, регулирующих жилищно-коммунальную сферу. К этому же времени относится проведение первых в Чикаго домовых инспекций. Дальнейшее развитие жилищной реформы связано с принятием в 1902 году первого свода жилищного законодательства⁶³. «Однако проблема многоквартирных доходных домов по-прежнему казалась неразрешимой, несмотря на годы усилий и реформ»⁶⁴.

Лаборатория культур

Жилищная проблема была лишь одним из пунктов в повестке дня городских реформаторов. Социально-экономическая и этническая разнородность Чикаго способствовала формированию фрагментированной политической системы, в которой отчаянно добивавшиеся своих целей группировки были вынуждены сотрудничать друг с другом для укрепления влияния в среде избирателей⁶⁵. Ф. Герберт Стед запечатлел эту многоликость в написанной в 1893 году для популярной газеты *Review of Reviews* статье: «Чикаго – огромный плавильный тигель, где смешиваются ингредиенты всех рас и народов, и остается лишь с изумлением наблюдать, какая странная амальгама из всего этого выйдет»⁶⁶.

Чикаго той эпохи стал ареной нескончаемой фракционной борьбы внутри партий, формировавших политическую систему с настолько высоким уровнем децентрализации, что ни одна из групп не могла обладать в ней всей полнотой власти⁶⁷. Как спустя почти столетие высказался Гарри Уиллс, хрупкий плюрализм превращал Чикаго в замечательную лабораторию различных культур, втиснутых в жесткие рамки. Невообразимое богатство степенно шествовало в нем среди грязи и нищеты⁶⁸. Так что вполне понятно, говорит он, почему знаменитый городской университет стал самым передовым в мире центром по социальным исследованиям городских сообществ⁶⁹.

Лобовое столкновение жизненных укладов иммигрантов из Южной и Восточной Европы и более ранних поселенцев было присуще многим американским городам той

эпохи⁷⁰. Начало XX столетия ознаменовалось в Соединенных Штатах жестокими, хотя и не всегда явными этническими конфликтами – по мере того как этнические группы все чаще выступали в поддержку тех или иных политических партий, руководствуясь главным образом принципом религиозной принадлежности. В частности, католические иммигрантские общины Чикаго на протяжении многих десятилетий оставались важнейшим оплотом Демократической партии⁷¹.

Собственно, чикагская лаборатория культур основывалась на беспрецедентно разнообразной и стремительно развивавшейся экономике. В ожесточенных схватках с конкурентами в иных местах страны первые лица города завоевали право на создание в Чикаго крупнейшего на континенте транспортного центра, где сходились железнодорожные и речные транспортные артерии. Это обстоятельство предоставило Чикаго огромные преимущества в торговле зерном, лесом и домашним скотом, то есть экономическими ресурсами, создавшими невиданное богатство американского Среднего Запада⁷². Местные предприниматели быстро осваивали новые технологии и производство, в том числе элеваторов, зерноуборочных комбайнов и наиболее современного оборудования для скотобоев. Чикаго стал важнейшим в стране транзитным рынком сельскохозяйственной продукции⁷³.

Не удовлетворяясь первенством в области оптовой торговли, чикагские предприниматели вскоре перешли к выпуску машин и оборудования, которое позволило бы усовершенствовать производство и транспортировку естественных ресурсов. К 1890 году по объему производства – во многом благодаря таким предприятиям, как заводы по производству жаток Мак-Кормика, – город вышел на второе место в стране, уступив по общей стоимости производимых товаров только Нью-Йорку⁷⁴. Создавая новое оборудование, Мак-Кормик и его коллеги основывали целые отрасли экономики, как это было, например, с осуществившим революцию в мировом сельском хозяйстве производством жатвенной машины⁷⁵. Для создания своего производства Мак-Кормик избрал Чикаго именно потому, что уникальные транспортные возможности города позво-

лили ему без труда свести воедино рабочую силу, сырье и состоятельную клиентуру⁷⁶.

В 1888 году чикагские купцы заработали на торговле лесом более 80 миллионов долларов. Эта цифра покажется незначительной в сравнении со 195 миллионами дохода, который принесли в одном только 1890 году местные скотные дворы и мясоперерабатывающие предприятия⁷⁷. Чикаго приобрел всемирную известность как город скотобоен и дымовых труб⁷⁸. Эпитеты «Поркополь», «всемирный мясник» и «великий коровий город» были им вполне заслужены⁷⁹. К 1870 году, всего через пять лет после того как местные железнодорожные компании и мясокомбинаты основали знаменитый Юнион-стокъярд за южными пределами города, в Чикаго шло на убой три миллиона животных⁸⁰. В 1909-м эта цифра выросла почти в пять раз – принесла городской экономике более 323 миллионов долларов⁸¹. Огромные скотные дворы ожидали новых партий животных и... рабочих-иммигрантов, которые дополняли картину самого высокоприбыльного чикагского бизнеса⁸².

За первые пятьдесят лет эксплуатации Юнион-стокъярд принес почти 10 миллиардов долларов дохода⁸³. Мир еще не видел ничего подобного: чикагские скотные дворы вскоре стали аттракционом для туристов с крепкими нервами. Впрочем, проблема отходов и загрязнения окружающей среды стала для этого самого прибыльного из чикагских промышленных районов настоящим бедствием⁸⁴. Следует отметить, что крупномасштабное конвейерное производство родилось именно на чикагских предприятиях Арморов, Свифтов и Моррисов, а не в Детройте Генри Форда⁸⁵.

Для эффективной транспортировки продукции на новые рынки чикагским мясным баронам требовались новые вагоны: так в Чикаго появились первые в мире вагоны-рефрижераторы⁸⁶. Местные заводчики и изобретатели строили подвижной состав и для людей, и для свиней. Дворцовые вагоны Джорджа М. Пульмана стали образцами фешенебельных поездов⁸⁷. В Чикаго производились и разнообразнейшие потребительские товары – от умывальных тазов и ванн до книг, одежды и обуви; город пре-

вратился в самую развитую, уравновешенную и быстрорастущую производственную базу Северной Америки⁸⁸.

Чикагцы преобразили и розничную торговлю, по мере того как компании «Сиэрс» и «Монтгомери Уорд» ввели в широкую практику доставку товаров почтой⁸⁹. Местные компании «Маршалл Филд», «Карсон Пири & Ко» присоединились в числе прочих к зародившемуся в конце XIX века в Париже и Нью-Йорке буму универмагов. Опыт чикагских розничных торговцев пригодился и в других частях света. Например, протеже компании «Маршалл Филд» Х. Гордон Селффридж поставил на новые рельсы торговлю предметами роскоши в далеком Лондоне⁹⁰. Местные купцы быстро освоили технику научной рекламы, которая со временем привела их в отдаленнейшие уголки американского континента⁹¹. Издававшийся с декабря 1896 года House Beautiful, городской журнал о дизайне жилища, стал арбитром хорошего вкуса в домах среднего класса по всей стране⁹². В те же годы в Чикаго начала бурно развиваться мебельная промышленность⁹³.

Возвышение Чикаго отчасти совпало с развитием американских корпораций. С выходом в конце XIX века региональных торговых сетей на общенациональный рынок в Америке стали складываться крупные корпорации⁹⁴. В числе первых всеамериканских предприятий были железные дороги, финансируемые магнатами с Восточного побережья и управляемые целой армией менеджеров среднего звена⁹⁵. Прежде обособленные деловые сообщества стали узлами в более крупной, трансконтинентальной экономической системе, которую заполнили белые воротнички – менеджеры среднего звена и канцелярские работники. Государственный и корпоративный бюрократический аппарат раздулся до невероятных по былым временам размеров, превращая крупные города, а в их числе и Чикаго, в средоточие нового корпоративного среднего класса⁹⁶. Этому новому слою служащих суждено было в течение более чем половины XX века задавать тон в американской культуре и общественной жизни. Чикаго, как главный центр корпоративных штаб-квартир и региональных контор, стал пристанищем нового делового этоса. В одном из самых сложных и многоликих метрополи-

сов мира клерки в галстуках состязались за клочки городского пространства с забрызганными кровью работниками скотобоен.

Парадигма американской цивилизации

Постепенно «великий коровий город» приобретал черты не только экономической динамо-машины, но и крупного культурного центра. Его писатели – Л. Фрэнк Баум, Эдгар Райс Бэрроуз, Теодор Драйзер, Эптон Синклер, Уилл Пейн и Элла Уилер Вилкоккс – стали ведущими фигурами американской беллетристики⁹⁷. Его философы разработали доктрину американского прагматизма⁹⁸. От идущей по желтой мостовой Дороти до сестры Кэрри, открывающей для себя суровую городскую реальность, от джунглей Тарзана до скотных дворов Саут-сайда – чикагцы нашли свой путь в американской литературе.

В 80-х и 90-х годах XIX столетия ведущие представители деловой элиты города – из поколения, что сражалось в Гражданскую войну, – основали многие крупнейшие культурные учреждения Чикаго, в том числе Художественный институт, библиотеку Ньюберри, Чикагский симфонический оркестр, Колумбов музей Филда, библиотеку Крерара и второй Чикагский университет⁹⁹. Деятельность этих замечательных центров охватывала множество культурно-художественных сфер, способствуя превращению Чикаго в своеобразную культурную икону Америки.

Грубоватая внешность Америки сочеталась в Чикаго с ее неистовой экономической и даже социальной изобретательностью. Город стал средоточием решительных реформ практически в каждой сфере муниципального управления и общественной политики, от городского устава до системы здравоохранения, от городского планирования до законодательства в области трудовых отношений, от борьбы с преступностью до государственного образования¹⁰⁰. В отличие от континентальной Европы, реформаторское движение в Чикаго было представлено главным образом негосударственными организациями. Между 1892 и 1919 годом более 2500 чикагцев обоего

пола оказывали поддержку по меньшей мере одной из семидесяти реформистских групп и учреждений; 215 из этих горожан участвовали в работе более чем трех организаций¹⁰¹.

Реформаторская община города была достаточно разнородной и состояла из представителей различных кругов, как то: ученых (например, Эдит Эббот, Софонисба П. Брекинридж, Джон Дьюи, Эрнст Фройнд, Уильям Рэйни Харпер и Чарльз Мерриам), писателей (Драйзер, Льюис и Роберт Херрик), общественных (Эддамс, Флоренс Келли и Эллен Гейтс Старр) и религиозных деятелей (например, Уильям Томас Стед и Сестры доброго пастыря). Динамичное реформаторство Чикаго символизировало прогрессивизм той эпохи. Спустя десятилетия многие из чикагских академиков вошли в правительство Нового курса президента Франклина Рузвельта¹⁰².

Значение Чикаго как центра новой американской цивилизации – как символа волшебной страны Оз – достигло апогея с проведением здесь Всемирной Колумбовой выставки в 1893 году. Слова Вальтера Беньямина о парижских мировых ярмарках как нельзя лучше подходят к чикагской выставке: Всемирные выставки – это паломничество к товарному фетишу¹⁰³. Товарный фетиш был укрыт в знаменитом Белом городе чикагской ярмарки, неоклассическом предшественнике современного центра Эпкота.

Город так яростно сражался за право проведения выставки с Нью-Йорком и Вашингтоном, что Ричард Генри Дана из «Нью-Йорк Сан» дал Чикаго оставшееся в поколениях прозвище – Город Ветров, пытаясь запечатлеть горячий воздух, исходящий от чикагских патриотов¹⁰⁴. Об ожесточенном соперничестве между первым и вторым городами Америки за честь проведения всемирной выставки сообщали и русские репортеры¹⁰⁵. Организованный комитетом, в который входили некоторые из известнейших в Соединенных Штатах архитекторов во главе с Дэниелом Бернхамом, Всемирная Колумбова выставка была призвана «объединить деловые ценности города – веру в прогресс и гордость богатством – с тяготением к европейским культурным формам»¹⁰⁶.

«Белый» и «серый» город

Колумбова выставка стала пятнадцатой по счету всемирной выставкой и только второй из тех, что проводились в Новом Свете¹⁰⁷. В отличие от предыдущих Экспо, располагавшихся в одном или двух зданиях в окружении пейзажных парков, чикагские зазывалы решили ни больше ни меньше как выстроить для выставки целый город – рядом со старым Чикаго, который уже почти столетие высился на берегу озера Мичиган. Белизна зданий при свете дня и невиданное доселе количество электрических фонарей ночью в сочетании с классической планировкой выставочного города были призваны возвеличить новую цивилизацию¹⁰⁸. Все же организаторы понимали, что для привлечения публики требуется нечто большее, чем высокие идеалы. Для устройства парка развлечений – Мидвей Плэзанс – был нанят водевильный импресарио Сол Блум: нужно было сделать все, чтобы до возвращения в реальный город посетители расстались на выставке с возможно большим числом зеленых бумажек¹⁰⁹.

Умышленный контраст между тяжеловесной, парадной архитектурой Колумбовой выставки и хаотичным, новаторским городом за ее пределами – как, впрочем, и контраст на самой выставочной территории между исполненным духа классицизма Центральным Кортом и стыдливо прячущейся скабрёзной Мидвей Плэзанс, над которыми парило гигантское колесо обозрения Вашингтон Гейл¹¹⁰, – в течение целых ста лет питал высоколобую критику, бульварную литературу и нескончаемые споры ученых и архитекторов¹¹¹. Везде в Чикаго – на самой ли выставке или в городском районе Луп – посетителей из Европы часто раздражало соседство приземленного и высокопарного, благочестия и кощунства. Чикаго 1893 года стал для сотен британских, французских и немецких посетителей неожиданной встречей с завтрашним днем, встречей, подобной вхождению во временную воронку¹¹².

Несмотря на кажущуюся долговечность, которая и сейчас, спустя сто лет, исходит из фотообразов выставки, запечатленных аппаратом ее официального фотографа Чарльза Д. Арнолда, чикагская Всемирная выставка была,

по сути, совокупностью наспех возведенных, почти картонных строений. Почти весь Белый город сгорел дотла в череде пожаров, обрушившихся на Чикаго в год тяжелой экономической депрессии, сразу после выставочной эйфории¹¹³. Тем не менее неослабный коммерческий пыл, сделавший возможным проведение в Чикаго Колумбовой выставки, выдержал и пламя пожаров, и годы экономического спада.

Для ускорения темпов развития города чикагцы все чаще обращались к собственным капиталам. Продуктовые биржи, в особенности зерновой рынок Чикагской торговой палаты, были одними из крупнейших в мире. Образованная в 1848 году в целях упорядочивания хаотичного местного рынка и консолидации капиталов Торговая палата слилась в 1874 году с Чикагской продуктовой биржей (в 1898-м последняя была переименована в Чикагскую торговую палату пищевых продуктов, которая в 1919 году превратилась во влиятельную Чикагскую торговую биржу, существующую по сей день), а в 1882-м – со Среднезападной фондовой биржей¹¹⁴. В этот же период произошло становление мощных чикагских банков¹¹⁵. Хотя Чикаго всегда оставался вторичным финансовым рынком по отношению к Нью-Йорку, город становился все более самодостаточным с точки зрения финансирования собственного развития. К 80-м годам XIX века в Чикаго сложился солидный рынок недвижимости¹¹⁶. Следуя примеру многих чикагских предпринимателей, банки и компании по операциям с недвижимостью революционным образом усовершенствовали портфель услуг, предназначенных для бурно растущего американского среднего класса. Жители Чикаго в совершенстве овладели ипотекой и иными финансовыми инструментами, позволявшими развивать массовый рынок домовладения¹¹⁷. Экономическая гибкость и разнообразие, как магнит, привлекали в Чикаго новых переселенцев¹¹⁸. В город продолжали стекаться рабочие, надеясь принять участие в празднике жизни, – пусть даже реальность часто оказывалась гораздо суровее чикагской мечты¹¹⁹. В строках Роберта Херрика из романа «Паутина жизни» о трамвайной поездке по Коттидж Гроув Авеню запечатлена правда жизни многих чикагцев:

«Квартал за кварталом, миля за милей – все было одинаково. Ни в одном городе мира на найти было такого сочетания кричащей безвкусицы, нерадивости, грязи и вульгарности, как на Коттидж Гроув Авеню. В Индии или в южноамериканских странах можно найти места и более грязные, но ни одна улица не может быть длиннее и гаже. Кирпичные дома разных оттенков темно-красного или желтовато-коричневого, тонкие, как бумага, дрянные, как бесчестный подрядчик или ленивый рабочий, обступали вас со всех сторон. Выстроенные на потребу дня, они готовы были развалиться... Лишь иногда автомобиль проскакивал перекрестки с бульварами, которые несколько оживляли вид зеленой травкой и большими, тяжелыми фасадами»¹²⁰.

В глазах многих именно эти перекрестки были средоточием той современности, которая стала отличительной чертой чикагского градостроительства.

Прагматичная архитектура

После пожара в Чикаго были приглашены лучшие из поколения молодых архитекторов: это совпало с внедрением принципиально новых технологий строительства. Следствием этого стало появление Школы прерий – типично американского стиля жилищной архитектуры, а также усовершенствование чуда коммерческой архитектуры, небоскреба, который оказал решающее влияние на тенденции развития архитектуры в следующем веке¹²¹. Среди наиболее известных американских архитекторов той эпохи следует назвать Данкмара Адлера, Солона Спенсера Бемана, Дэниэла Бернхама, Уильяма Ле-Барон Дженни, Генри Ива Кобба, Джона Велборна Рута, Луиса Генри Салливена и Фрэнка Ллойд Райта¹²². При всех различиях в их темпераменте и художественных вкусах, всем им было присуще тонкое восприятие революционных форм в архитектуре и дизайне и умение прислушиваться к пожеланиям клиентов¹²³. В 80-х и 90-х годах XIX столетия эти молодые архитекторы и их заказчики изменили ход американского и, в известном смысле, мирового градостроительства¹²⁴.

Грандиозный генеральный план города, спроектированный Дэниэлом Бернхамом в стиле *Beaux Arts** в 1909 году, финансировался, в противоположность европейской традиции, не из государственной казны. За работу Бернхама заплатил престижный Коммерческий клуб Чикаго¹²⁵. Аудиториум, революционное здание оперного театра Салливена и Адлера и, возможно, высочайшее эстетическое достижение эпохи, было полностью коммерческим проектом¹²⁶. Чикагские архитекторы никогда не оставались в стороне от реальности своего стремительно растущего города: корпоративных заседаний, местных политиков или уличной толпы¹²⁷.

Чикагская школа определила тенденции развития городской коммерческой архитектуры по меньшей мере на столетие, однако заказы, за которые принимались молодые архитекторы, не ограничивались деловыми кварталами в центре или промышленными зонами. Пик развития Чикаго пришелся как раз на то время, когда рост сети железных дорог побудил многих мыслителей – в их числе Уильям Левер, Эбенезер Ховард и Фредерик Ло Олмстед – к созданию моделей идеального города, расположенного вне чудовищных промышленных гигантов¹²⁸. Чикаго и его окрестности стали свидетелями множества пригородных утопий – некоторые из них преследовали вполне коммерческие цели, иные же создавались исключительно во имя высоких идеалов. Потерпевший в конечном итоге неудачу новый индустриальный город Пульмана воплотил многие из особенностей прагматизма Чикагской школы и утопизма города-сада¹²⁹.

Выстроенный в начале 1880-х всего в десяти милях на юг от Чикаго, вдоль Центральной железной дороги Иллинойса, корпоративный город компании «Пульман Палас Кар» был отражением маниакальных грез ее основателя и президента Джорджа М. Пульмана. Солон Спенсер Беман, любимый архитектор Пульмана, спроектировал для своего хозяина промышленный город, как нельзя лучше соответствовавший его вкусам и устремлениям¹³⁰. Проект Бемана

* Архитектурный стиль начала XX века, сочетающий элементы готики и ренессанса.

служил физическим выражением широко распространенного в ту эпоху убеждения, что семья стоит в центре социального порядка¹³¹.

Об этом неудавшемся эксперименте написаны тысячи страниц, и потому подробный пересказ истории пульмановского города в рамках настоящего исследования не представляется целесообразным. Значительная часть работ, посвященных трагической забастовке пульмановских рабочих в 1894 году, основаны на написанной в 1885 году статье Ричарда Эли, который посетил Пульмана во время своего медового месяца¹³².

Эли, тогда экономист в университете Джона Гопкинса, писал в статье для популярного *Harper's New Monthly Magazine*, что «город представляет собой гигантский социальный эксперимент»¹³³. Пульман стремился именно к тому сочетанию эстетической взвешенности и коммерческой целесообразности, что отличали чикагскую школу архитектуры. В то же время г-н Пульман был не единственным из чикагских предпринимателей, кто воспринимал коммерческую ценность красоты¹³⁴.

В городе Пульмана и большинстве аналогичных проектов той эпохи были предприняты попытки совместить интересы капитала и эстетические каноны. Эли верно замечает, что именно в этом крылась неудача всего эксперимента: «Компании Пульмана владеют всем. Сегодня в целом городе ни одно частное лицо не может быть владельцем и пяди земли, и единого строения. Ни одна организация, даже церковь, не может выступить в роли землевладельца – все располагается на арендованных у компании участках... Никто не воспринимает город Пульмана домом, и, по сути, здесь нет коренных жителей»¹³⁵. Действительно, рассматривая все обстоятельства дела, неизбежно приходишь к заключению, что сама идея Пульмана не американская¹³⁶. Менее чем через десять лет экономическая депрессия 1893—1897 годов тяжело отразилась как на высокочтимых владельцах, так и на индустриальных крепостных пульмановского поместья. В 1894 году федеральные войска потопили в крови забастовку пульмановских рабочих в том самом богатом пригородном поселении, которое Эли посетил всего десять лет назад¹³⁷.

Неоклассические площади Колумбовой выставки или неоготический университетский кампус, дома в стиле Школы прерий Оук-Парка или коммерческие башни Лупа, буржуазные пригороды Риверсайда или их пролетарские собратья в Пульмане – вся чикагская школа архитектуры основывалась, подобно самому городу, на принципах прагматизма, призванных сочетать эстетику и прибыль. Многоэтажные деловые башни стали возможны не только благодаря новым технологиям строительства, но и вследствие развития новых отраслей бизнеса, которым-де требовались армии белых воротничков¹³⁸.

Появившиеся в Америке небоскребы можно с полным основанием назвать технологическим чудом. Чикагские стальные каркасные конструкции революционным образом повлияли на историю строительства и городского планирования. Как объяснял читателям современный обозреватель Уильям Биркмайр в 1894 году, здание из каркасных конструкций представляет собой совершенно новый тип строения, который требует применения принципов, в корне отличающихся от старой системы чугунных структур и деревянно-балочных опор¹³⁹. Однако стальные каркасы были не единственной отличительной чертой новых чикагских зданий. Историк небоскребов Карл Кондит отмечает, что возведенные в конце XIX столетия в Чикаго сооружения появились вследствие удивительных перемен в строительных технологиях, которые произошли еще в XVIII веке¹⁴⁰. Железные каркасы, ветровая связь, водонепроницаемые кессонные фундаменты, огнестойкие материалы, лифты с механическим приводом, центральное отопление, современные водопроводно-канализационные сети и вентиляция нагнетательного типа предвещали чикагские коммерческие башни на десятилетия, а в некоторых случаях и на столетия. Однако именно Чикаго и Нью-Йорк стали теми городами, где все эти технологии сошлись воедино и сопровождались целенаправленными усилиями по извлечению выгоды. Отсюда родилось чудо американских небоскребов¹⁴¹.

Развитие этого самого американского из всех существующих типов зданий часто основывалось на принципах экономической целесообразности, а не на эстетических

соображениях¹⁴². По крайней мере до 40-х годов XX века Чикаго и Нью-Йорк оставались единственными в Америке – и в мире – небоскрежными столицами¹⁴³.

В Чикаго и Нью-Йорке, на двух родинах небоскребов (споры о первенстве не утихают между ними и сегодня), были выработаны принципиально различные подходы к городскому развитию¹⁴⁴. Регулируемый строительный бизнес Чикаго был следствием спада на рынке недвижимости в 1893 году, после того как в течение предыдущего десятилетия рынок стал испытывать избыток новых зданий. В это время Чикагский городской совет установил высотный предел для городских сооружений в 130 футов; за следующие тридцать лет этот порог был увеличен до 260 футов*. В Нью-Йорке же, после отмены в 1889 году всех высотных ограничений, единственным потолком для архитекторов и строителей стало небо. К 1913 году на Манхэттене высились уже почти тысяча зданий от одиннадцати до двадцати этажей и пятьдесят одно здание от двадцати одного до шестидесяти этажей¹⁴⁵. Отказ чикагских властей от ограничений и разрешение строительным компаниям беспрепятственно тянуться к небесам были продиктованы необходимостью максимально увеличить доход инвесторов от спекулятивных в экономическом отношении деловых зданий (каковыми были и в большинстве своем остаются небоскребы).

Функциональные требования, муниципальные постановления, финансовая сбалансированность и норма прибыли стали теми факторами, которые наряду с эстетическими канонами Чикагской школы коммерческой архитектуры сформировали городской пейзаж с его равновысокими многоэтажными зданиями¹⁴⁶. Бешено скачущие цены на землю и чередующиеся циклы экономического подъема и спада нередко расстраивали и самые грандиозные архитектурные проекты¹⁴⁷.

Все же коммерческая природа небоскребов не стала препятствием на пути к красоте¹⁴⁸. Как провозглашал Рут: «Красота полезна, но ее польза не всегда очевидна»¹⁴⁹. Компании, подобные «Холабэрд» и «Рош» – пожалуй,

* Соответственно около 40 и 80 метров.

самые коммерчески успешные и долговечные из архитектурных фирм города – осознавали важность верной пропорции между коммерцией и эстетикой¹⁵⁰. Их стремление к красоте и прибыли характерно для всего Чикаго начала XX века.

Муниципальное управление

Муниципальное правительство Чикаго было частью федеральной системы, допускавшей существование автономных структур власти и проведение независимой фискальной политики. Чикагское городское правительство не подчинялось прямо ни графству Кук штата Иллинойс, ни федеральным властям США¹⁵¹. Тема муниципального устройства в Чикаго подробно рассматривается в главе 8. Здесь же достаточно будет отметить, что депутаты законодательных собраний и высшие чиновники на всех четырех уровнях – муниципалитета, графства, штата и федерации – избирались согласно установлениям, основанным на всеобщем избирательном праве для мужчин. Административные работники не избирались, но часто назначались избранными чиновниками.

Дробление соперничающих юрисдикций привело к образованию великого множества специализированных агентств и органов власти, которые ведали различными сферами социальной и коммунальной инфраструктуры (водопровод, канализация, парки) по всему Чикаго¹⁵². Районы с особым налоговым и эмиссионным режимом позволили городам и графствам Иллинойса обойти долговые ограничения, установленные конституцией штата 1870 года¹⁵³. Правительство не справлялось с возросшим объемом общественного обслуживания и часто перекладывало часть ответственности на специализированные ведомства, юрисдикция которых иногда выходила за муниципальные рамки. Таким образом законодатели-республиканцы штата могли сдерживать власть влиятельных в Чикаго политических машин демократической партии, ограничивая возможности демократов в раздаче должностей и постов за поддержку на выборах.

В результате, как писал Мерриам, в Чикаго сформировалось засекреченное правительство. Через пятьдесят лет после Мерриама еще резче высказался Эдвард Банфилд, отметив, что в чикагском регионе, со строго формальной точки зрения, вообще отсутствует правительство. Существуют сотни, возможно, тысячи органов управления, каждый из которых наделен толикой юридически закрепленных полномочий, и ни один из них не обладает властью в той мере, чтобы довести до конца начатое дело, если тому препятствуют другие органы¹⁵⁴.

В самом городе значительным влиянием в своих районах пользовались отдельные члены городского совета¹⁵⁵. С точки зрения формальной власти чикагский мэр был, по сути, довольно слабой фигурой: ему приходилось вести постоянные переговоры с членами совета, партийными боссами, губернаторами штата и законодателями¹⁵⁶. Вездесущие районные боссы контролировали в Чикаго больше независимых ресурсов, чем сам мэр.

Система городских доходов пребывала в плачевном состоянии¹⁵⁷. Быстрый рост Чикаго требовал наращивания объемов муниципальных услуг, однако налоговая система города оказалась неспособна производить доход, достаточный для поддержания социальной инфраструктуры на должном уровне. В знаменитом «Отчете об исследовании муниципальных доходов в Чикаго», подготовленном для Городского клуба Чикаго в 1906 году, Мерриам отмечал, что в Чикаго по сравнению с другими американскими городами на каждую душу населения самые низкие налоги, самые низкие налоговые поступления, самые низкие доходы и самые низкие долговые обязательства¹⁵⁸. Мерриам изучил деятельность целого ряда собирающих налоги организаций, включая правительство штата Иллинойс, графства Кук, города Чикаго, так же как отдельных комиссий по делам библиотек, школ, санитарной инфраструктуры и парков¹⁵⁹. Корпоративный доход города, который в 1880 году составлял половину всех налоговых поступлений в городской бюджет, в 1904 году составил только четверть всех налогов, собираемых доходобразующими органами. Таким образом, в долларовом исчислении вне сферы муниципального правительства осталось три четверти местных административных доходов.

Почти половина всех правительственных расходов, производимых доходобразующими ведомствами – теми, что находились в муниципальной юрисдикции или же подчинялись графству, штату и федеральному центру, распределялась между государственным здравоохранением, службами общественной безопасности и образовательными программами¹⁶⁰. Относительно низкий (только 16,2%) процент общественно-государственных расходов Чикаго шел на обслуживание долга по займам и облигациям. Мерриам характеризовал сложившуюся в городе структуру муниципальных финансов как децентрализованную, бессистемную и безответственную¹⁶¹. Он заключал, что доходобразующие ведомства Чикаго представляют собой одну из самых сложных систем общественных финансов в мире и уж точно самую запутанную в Соединенных Штатах¹⁶².

Удачливые чикагские мэры играли в этой высокораздробленной и децентрализованной системе роль брокеров. Им удавалось осуществлять муниципальное управление не посредством власти, данной им конституцией, но благодаря политической и общественной поддержке местных сообществ¹⁶³.

Многие из политических волшебников Чикаго «позолоченного века» стояли за изумрудным экраном, вращая ручки и колесики и нажимая на кнопки, дабы произвести впечатление кипучей деятельности. Конфликты и конфронтация стали городской повседневностью. Однако в отличие от попавшей в страну Оз Дороти Фрэнк Баума чикагцы не могли просто шелкнуть каблуками и вернуться к мирной реальности. Политика прагматического плюрализма требовала большего, чем управление хитроумными машинками, – она требовала тяжелой работы. Те из политиков и общественных деятелей, кто преуспел на прище прагматичной политики, оставили Чикаго богатое наследство, которое по сей день служит горожанам.

Примечания

¹ Такое заключение сделано в работе Хайзе: Kenan Heise, *A Sampling of Chicago in the Twentieth Century: Chaos, Creativity, and Culture* (Salt Lake City: Gibbs-Smith, 1998), pp. 13—14.

² Происхождение названия города обычно связывают с производным от топонима, данного местности аборигенами Америки, Чи-Кау-Гоу, который, как считают многие, обозначает острый дикий лук, произрастающий на берегах маленькой реки, известной теперь как Чикаго. Соответственно, название «Чикаго» можно приблизительно перевести как «поле дикого лука» или «поле вонючего лука». См., например, работу: Lois Willie, *Forever Open, Clear, and Free: The Historic Struggle for Chicago's Lakefront* (Chicago: Henry Regnery, 1972), p. 5. В поисках более авторитетных определений, Альфред Теодор Андреас в своей трехтомной монументальной истории города, опубликованной между 1884 и 1886 годами, показывает, что значение слова «Чикаго» зависит от языка аборигенов, выбранного в качестве исходного. Топоним может означать, по-видимому, и «святую реку». Alfred Theodore Andreas, *History of Chicago*, Vol. 1 (Chicago: A. T. Andreas, 1884—86), pp. 33—37.

³ Это положение подчеркивается в следующих работах: William Cronon, *Nature's Metropolis: Chicago and the Great West* (New York: Norton, 1991), pp. 25—30; Andreas, *History of Chicago*; См также: Michael P. Conzen, «A Transport Interpretation of the Growth of Urban Regions: An American Example», *Journal of Historical Geography* 1, no. 4 (1975), pp. 361—382.

⁴ Priscilla Parkhurst Ferguson, *Paris as Revolution: Writing the Nineteenth-Century City* (Berkeley: University of California Press, 1994), p. 35.

⁵ Aleksandr Borisovich Lakier, *A Russian Looks at America: The Journey of Aleksandr Borisovich Lakier in 1857*, trans. and ed. Arnold Schrier and Joyce Story. (Chicago: University of Chicago Press, 1979), p. 174.

⁶ Природные особенности Чикаго и роль ледников в формировании физической географии его окрестностей описываются в работе: Donald L. Miller, *City of the Century: The Epic of Chicago and the Making of America* (New York: Simon and Schuster, 1996), pp. 42—47.

⁷ Это взаимодействие стало предметом авторитетного исследования Уильяма Кронона, посвященного экзогенной среде Чикаго и Среднего Запада: *Nature's Metropolis*.

Более подробно о роли канала в развитии Чикаго см.: Louis P. Cain, *Sanitation Strategy for a Lakefront Metropolis: The Case of Chicago* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1978). О роли канала в процессе начального накопления капитала в Чикаго см.: Isaac N. Arnold and J. Young Scammon. *William B. Ogden and Early Days in Chicago* (Chicago: Fergus Printing Co., 1882), pp. 10—31.

⁹ Willie, *Forever Open...*, pp. 7—10; Andreas, *History of Chicago*, Vol. 1, p. 70.

¹⁰ Восемьдесят восемь процентов класса ранних чикагских бизнесменов вели свое происхождение из Новой Англии и среднеатлантических штатов. Роль переселенцев из этих областей рассматривается в работах: Rima Lunin Schultz, «The Businessman's Role in Western Settlement: The Entrepreneurial Frontier: Chicago, 1833—1872» (Ph.D. diss., Boston University, 1985), pp. 65—97, 403; См. также: James Gilbert, *Perfect Cities: Chicago's Utopias of 1893* (Chicago: University of Chicago Press, 1991), pp. 5, 28.

¹¹ Edward R. Kantowicz, Carter H. Harrison II: *The Politics of Balance*, in Paul M. Green and Melvin G. Holli, eds., *The Mayors: The Chicago Political Tradition* (Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1987), p. 17.

¹² Cronon, *Nature's Metropolis*, pp. 97—259.

¹³ Чикаго рассматривался как квинтэссенция города двадцатого века многими исследователями, включая Рибжинского: Witold Rybczynski, *City Life: Urban Expectations in a New World* (New York: Scribner, 1995), p. 116. Такая точка зрения установилась с появлением в 1941 году работы: Siegfried Giedion, *Space, Time, and Architecture: The Growth of a New Tradition* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1941), pp. 333—424. О роли Гидиона в определении места Чикаго в урбанистической истории современности см.: David Van Zanten, «Chicago in Architectural History», in Elisabeth Blair MacDougall, ed., *The Architectural Historian in America*, *Studies in the History of Art*, no. 35. (Washington, D.C.: Center for Advanced Study in the Visual Arts, National Gallery of Art, 1990), pp. 91—99. Гидион исследовал тему Чикаго во время своего пребывания профессором на кафедре поэзии в Гарвардском университете в 1938—1939 академическом году. См.: Eduard F. Sekler, «Siegfried Giedion at Harvard University», in MacDougall, ed., *The Architectural Historian in America*, pp. 265—273. Позднее эти идеи рассматривались в работе Уильяма Кронона: *Nature's Metropolis*.

¹⁴ Robert Higgs, «Cities and Yankee Ingenuity, 1870—1920», in Kenneth T. Jackson and Stanley K. Schultz, eds., *Cities in American History*, (New York: Knopf, 1972), pp. 16—22.

¹⁵ Lincoln Steffens, *The Autobiography of Lincoln Steffens* (New York: Harcourt, Brace, and World, 1931), Vol. 2, p. 428.

¹⁶ Получить представление об этом состязании можно в работе: Carl Abbott, *Boosters and Businessmen: Popular Economic Thought and Urban Growth in the Antebellum Middle West* (Westport, Conn.: Greenwood, 1981).

¹⁷ Напротив, городские предводители Сент-Луиса и их сторонники из южных штатов по-прежнему верили в эффективность речного транспорта; во время Гражданской войны симпатии сентлуисцев разделились между их давними деловыми партнерами из отколовшихся южных штатов и противниками рабства. Wyatt Winton Belcher, «The Economic Rivalry between St. Louis and Chicago, 1850—1880» (Ph.D. diss., Columbia University, 1947).

¹⁸ Там же, с. 185.

¹⁹ Там же, с. 201—6.

²⁰ Согласно переписи 1890 года, Чикаго обошел по численности населения Филадельфию. Gilbert, *Perfect Cities...*, p. 16.

²¹ О революционных балочно-стоечных методах строительства домов см. следующие работы: Giedion, *Space, Time, and Architecture...*, pp. 345—353; Miller, *City of the Century...*, pp. 81—87; Clay Lancaster, *The American Bungalow, 1880—1930* (New York: Abbeville, 1985), pp. 97—108. О небоскребах и конструкциях из стальных каркасов см.: Frank A. Randall, *History of the Development of Building Construction in Chicago* (Urbana: University of Illinois Press, 1949); Miller, *City of the Century...*, pp. 300—377. О массовой электрификации см.: Harold L. Platt, *The Electric City: Energy and the Growth of the Chicago Area, 1880—1930*. (Chicago: University of Chicago Press, 1991). О развитии пищевой промышленности см.: Louise Carroll Wade, *Chicago's Pride: The Stockyards, Packingtown, and Environs in the Nineteenth Century* (Urbana: University of Illinois Press, 1987); а также главы о вводе зерновых элеваторов и полной автоматизации скотобоев в работе Миллера *City of the Century...*, с. 106—9, 198—224.

²² Frederic Cople Jaher, *The Urban Establishment: Upper Strata in Boston, New York, Charleston, Chicago, and Los Angeles*. (Urbana: University of Illinois Press, 1982), p. 491. Более подробные сведения о ведущих предпринимателях Чикаго можно найти в работе Миллера: Miller, *City of the Century...* В частности, краткие биографические очерки крупных коммерсантов: Уильям Батлер Огден (с. 73—76), Кирус Холл Мак-Кормик (с. 103—106), Густав Франклин Свифт (с. 205—211), Филип Дэнфорт Армор (с. 211—216), Поттер Палмер (с. 137—141).

²³ Чикаго был особенно привлекателен для потомков купцов и мастеровых людей. См.: Schultz, *The Businessman's Role...*, pp. 1—15.

²⁴ Jaher, *The Urban Establishment...*, p. 466.

²⁵ Эта тема исследована в работе: Bessie Louise Pierce, *A History of Chicago*, Vol. 3: «The Rise of a Modern City, 1871—1893» (Chicago: University of Chicago Press, 1957), pp. 20—63. Новейшая историография склонна сомневаться в связи этнического заселения города с окружающей средой. Городские кварталы и до наступления автомобильной эры были более «проницаемы», чем принято считать. Такой вывод сделан в работе: Kathleen Neils Conzen, *Immigrants, Immigrant Neighborhoods, and Ethnic Identity: Historical Issues*, *Journal of American History* 66, no. 3 (1979), pp. 603—615. Тем не менее Чикаго был многонациональным городом, что подтверждается хотя бы многочисленными этнологическими исследованиями. См., например, работы: Florian Znaniecki and William I. Thomas, *The Polish Peasant in Europe and America. 1918—20*. Reprint, ed. and abridged by Eli Zaretsky. (Urbana: University of Illinois Press, 1984); Humbert S. Nelli, *Italians in Chicago, 1880—1930: A Study in Ethnic Mobility* (Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1970); Glen E. Holt and Dominic A. Pacyga, *Chicago: A Historical Guide to the Neighborhoods: The Loop and the South Side* (Chicago: Chicago Historical Society, 1979).

²⁶ Как убедительно доказывает Карл Смит, обострившаяся в рассматриваемый период классовая борьба, наряду с катастрофическим Большим пожаром, сформировали американский взгляд на город как на про-

изведение «цивилизации и прогресса», находящееся под постоянной угрозой бед и несчастий. Бурные выступления чикагских рабочих были не только местным, но и общенациональным явлением. Представление о Чикаго как о средоточии социальных беспорядков и трагических происшествий, вместе с ностальгией по американской деревне, усилили анти-урбанистические настроения в национальной культуре. Этот процесс рассматривается в работе: Carl S. Smith, *Urban Disorder and the Shape of Belief: The Great Chicago Fire, the Haymarket Bomb, and the Model Town of Pullman*. (Chicago: University of Chicago Press, 1995).

²⁷ О значении рабочего движения в политической жизни Чикаго см. работу: Maureen A. Flanagan, *Charter Reform in Chicago* (Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987), pp. 29—33. О большой забастовке железнодорожников в 1870-х годах см.: Richard Schneirov, «Chicago's Great Upheaval of 1877», *Chicago History* 9, no. 1 (Spring 1980), pp. 2—17; Shelton Stromquist, *A Generation of Boomers: The Pattern of Railroad Labor Conflict in Nineteenth Century America* (Urbana: University of Illinois Press, 1987). О событиях на Хеймаркет см. следующие работы: Paul Avrich, *The Haymarket Tragedy* (Princeton: Princeton University Press, 1984); Miller, *City of the Century...*, pp. 468—482; Henry David, *The History of the Haymarket Affair* (New York: Farrar and Rinehart, 1936); Bruce C. Nelson, *Beyond the Martyrs: A Social History of Chicago's Anarchists, 1870—1900* (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1988), pp. 175—223; Smith, *Urban Disorder...*, pp. 99—174. О забастовке на заводе Пульмана см.: Smith, *Urban Disorder...*, pp. 175—279; Stanley Buder, *Pullman: An Experiment in Industrial Order and Community Planning, 1880—1930* (Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1967), pp. 147—204; Almont Lindsey, *The Pullman Strike: The Story of a Unique Experiment and of a Great Labor Upheaval* (Chicago: University of Chicago Press, 1942). О забастовке на скотобойнях см.: Jane Addams, *Twenty Years at Hull-House* (1910, reprint, New York: New American Library, 1961), p. 164. Об остановке работы скотобоев предыдущим летом см.: Jane Addams, *Problems of Municipal Administration*, *American Journal of Sociology* 10, no. 4 (January 1905), pp. 425—555: 433—436; Robert A. Slayton, «Back of the Yards: The Making of a Local Democracy» (Chicago: University of Chicago Press, 1986), pp. 92—94.

²⁸ Ira Katznelson, *City Trenches: Urban Politics and the Patterning of Class in the United States* (New York: Pantheon, 1981). Об особенностях американского представления о городском пространстве см.: Rybczynsky, *City Life...*

²⁹ Michael Wallace Homel, «Negroes in the Chicago Public Schools, 1910—1941». (Ph.D. diss., University of Chicago, 1971).

³⁰ James R. Grossman, *Land of Hope: Chicago, Black Southerners, and the Great Migration* (Chicago: University of Chicago Press, 1989), p. 5.

³¹ Paul Louis Street, «Working in the Yards: A History of Class Relations in Chicago's Meatpacking Industry, 1886—1943» (Ph.D. diss., State University of New York at Binghamton, 1993), p. 280.

³² С 1910 по 1919 год число горожан африканского происхождения возросло с 44 103 до 109 458. Charles Russell Branham, «The

Transformation of Black Political Leadership in Chicago, 1864—1942». (Ph.D. diss., University of Chicago, 1981), p. 16. Процент черного населения Чикаго вырос с 1,2% в 1890 году до 2% в 1910-м и до 4,1% в 1920 году. Paul Kleppner, «Chicago Divided: The Making of a Black Mayor (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1985), p. 17.

³³ О влиянии на культуру Чикаго американцев африканского происхождения в указанный период см.: William Howland Kenney, Chicago Jazz: A Cultural History, 1904—1930 (Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1993).

³⁴ Branham, «The Transformation of Black Political Leadership...», p. 64.

³⁵ Там же, с. 94. О дальнейшей карьере де Приеста см. там же, с. 94—140 и 240—292.

³⁶ К 1920 году девять из десяти чернокожих чикагцев жили в районах, более чем на 80% состоявших из американцев африканского происхождения. Thomas Lee Philpott, «The Slum and the Ghetto: Neighborhood Deterioration and Middle-Class Reform, Chicago, 1880—1930 (Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1978), pp. 141—147.

³⁷ О беспорядках 1919 года см. там же, с. 170—180, а также следующие важные работы: William M. Turtle, Jr., «Race Riot: Chicago in the Red Summer of 1919 (New York: Atheneum, 1970); «Contested Neighborhoods and Racial Violence: Chicago in 1919; A Case Study», in Jackson and Schultz, eds., Cities in American History, pp. 232—248.

³⁸ В 1893 году почти 41% населения города составляли инородцы, и почти такое же число резидентов были потомками тех, кто родился за пределами США. Flanagan, Charter Reform..., p. 28. Чикаго этого периода был более неоднороден, чем 39 штатов в 1960 году. Kleppner, Chicago Divided..., pp. 17—18.

³⁹ Например, чикагцы немецкого происхождения составляли в 1860 году 20% населения города, а в 1890 – 15%; к 1910 году их число упало до 5%. Andrew Jacke Townsend, «The Germans of Chicago» (Ph.D. diss., University of Chicago, 1927), p. 6.

⁴⁰ О значимости этнических общин в электоральной политике Чикаго в этот период см.: Claudius O. Johnson, Carter Henry Harrison I: Political Leader (Chicago: University of Chicago Press, 1928), pp. 189—196, 292—93.

⁴¹ Peter Hall, Cities in Civilization (New York: Pantheon, 1998), p. 302.

⁴² Smith, Urban Disorder..., pp. 19—22. Описание пожара см. в работах: Robert Comie, The Great Fire (New York: McGraw-Hill, 1958); Miller, City of the Century..., pp. 143—171.

⁴³ Smith, Urban Disorder..., p. 22.

⁴⁴ Karen Sawislak, Smoldering City: Chicagoans and the Great Fire, 1871—1874 (Chicago: University of Chicago Press, 1995), p. 29.

⁴⁵ Из 13 800 строений в Северном округе – районе дорогих особняков на берегу озера и большого числа рабочих коттеджей, магазинов, маленьких заводов, церквей, школ и салунов – остались неповрежден-

ными лишь 500. Только в северной части Чикаго без крова остались 74 450 человек, четверть населения города. Perry R. Duis, Chicago: Creating New Traditions (Chicago: Chicago Historical Society, 1976), p. 14.

⁴⁶ См. обстоятельные исследования данной темы: Ross Miller, American Apocalypse: The Great Fire and the Myth of Chicago (Chicago: University of Chicago Press, 1990); Sawislak, Smoldering City....

⁴⁷ Smith, Urban Disorder..., pp. 19—98.

⁴⁸ Edith Abbott, The Tenements of Chicago, 1908—1935 (Chicago: University of Chicago Press, 1936), pp. 20—22.

⁴⁹ Odd S. Lovoll, A Century of Urban Life: The Norwegians in Chicago before 1930 (Northfield, Minn.: Norwegian-American Historical Association, 1988), p. 149.

⁵⁰ Плиский, ставший, очевидно, завсегдаем чикагских забегаловок, призывал своих соотечественников не пропускать окрестных павов после тяжелого дня на Всемирной выставке. Николай Плиский, Подробный путеводитель на Всемирную Колумбову выставку в Чикаго 1893—го года (СПб: Стефанов и Качка, 1893), с. 75.

⁵¹ Abbott, The Tenements of Chicago..., pp. 20—22.

⁵² Там же, с. 183.

⁵³ Эббот приводит результаты двадцатипятилетнего исследования условий проживания в 151 квартале города, где собрана информация по каждому дому, итого по 18 225 квартирам и односемейным домам (там же, с. х). 59,7% процентов этих строений были деревянными, 8,7% – частично кирпичными (с. 184—89); 22,8% были одноэтажными строениями «коттеджного типа», 58,9% – двухэтажными, а 16,1% – трехэтажными зданиями (с. 199); 5,3% домов состояли из одной квартиры или жилой комнаты, 33,1% были двухблочными, а 16,1% состояли из трех квартир (с. 202); приблизительно половина квартир насчитывала четыре комнаты (48,1%), 16,2% – три комнаты, и 13,3% – пять комнат (с. 244). По данным Эббот и ее коллег, домовладельцы в целом по Чикаго, включая богатые кварталы, в 1890 году составляли 28,7%, в 1900—м – 25,1%, в 1910—м – 26,2%, в 1920—м – 27% (с. 363).

⁵⁴ Robert Hunter, Tenement Conditions in Chicago: Report of the Investigating Committee of the City Homes Association (Chicago: City Homes Association, 1901).

⁵⁵ Там же, с. 1—20.

⁵⁶ Там же, с. 21—24.

⁵⁷ Там же, с. 51.

⁵⁸ Abbott, The Tenements of Chicago..., pp. 171—174. Несмотря на принятые в 1910 году муниципальные законы, запрещающие перестройку существующих или строительство новых домов, которые бы занимали более 75% от отведенного участка или 90% от угловых участков, 26,3% зданий Чикагского университета занимали 70 и более процентов отведенной им земли, а 30,1% занимали от 50 до 70 процентов зоны строений. Там же, с. 173—174.

- ⁵⁹ Hunter, *Tenement Conditions...*, pp. 36—41.
- ⁶⁰ Там же, с. 75.
- ⁶¹ Там же, с. 111.
- ⁶² Abbott, *The Tenements of Chicago...*, p. 206.
- ⁶³ Эти законы часто игнорировались. Несколько департаментов, призванных следить за исполнением законов, имели больше обязательств, нежели возможностей для их реализации. См.: Hunter, *Tenement Conditions...*, с. 161—163.
- ⁶⁴ Abbott, *The Tenements of Chicago...*, p. IX.
- ⁶⁵ Donald S. Bradley and Mayer N. Zald. From Commercial Elite to Political Administrator: The Recruitment of the Mayors of Chicago, *American Journal of Sociology* 71: 2 (September 1965), pp. 153—167; Kleppner, *Chicago Divided...*, p. 22.
- ⁶⁶ F. Herbert Stead, «The Civic Life of Chicago», *Review of Reviews* 8 (July 1893), pp. 93—96.
- ⁶⁷ Steven J. Diner, *A City and Its Universities: Public Policy in Chicago, 1892—1919* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980), p. 54.
- ⁶⁸ Garry Wills, «Sons and Daughters of Chicago» (*New York Review of Books*, June 9, 1994), pp. 52—59: 52.
- ⁶⁹ Там же. Хотя и, как отмечает Джейн Эддамс, во многих американских городах основная финансовая поддержка на проведение социологических изысканий происходила не от университетов, но от частных палат. Jane Addams, *The Second Twenty Years at Hull-House: 1910. September 1909 to September 1929, with a Record of a Growing World Consciousness* (New York: Macmillan, 1930), p. 405. Более подробно о развитии городской социальной науки в Чикаго см.: John D. Fairfield, *The Mysteries of the Great City: The Politics of Urban Design, 1877—1937* (Columbus: Ohio State University Press, 1993), pp. 158—224; Carla Cappetti, «Writing Chicago: Modernism, Ethnography, and the Novel» (New York: Columbia University Press, 1993), pp. 20—72.
- ⁷⁰ Gunthar Paul Barth, *City People: The Rise of Modern City Culture in Nineteenth-Century America* (Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1980), p. 15; Kleppner, *Chicago Divided...*, pp. 17—18.
- ⁷¹ Kleppner, *Chicago Divided...*, p. 29.
- ⁷² Как подробно описано в работах: Cronon, *Nature's Metropolis...*, Pierce, *A History of Chicago...*, Vol. 3, pp. 64—107.
- ⁷³ Pierce, *A History of Chicago...*, Vol. 3, p. 67.
- ⁷⁴ Там же, с. 65. О заводах Мак-Кормика см. следующие работы: William T. Hutchinson, *Cyrus Hall McCormick* Vol. 1, «Seed-Time, 1809—1856» (New York: Century, 1930); William T. Hutchinson, *Cyrus Hall McCormick*, Vol. 2, «Harvest, 1856—1884» (New York: D. Appleton-Century, 1935); а также работу самого Мак-Кормика: McCormick, *The Century of the Reaper*» (Boston: Houghton Mifflin, 1931).
- ⁷⁵ Herbert N. Casson, *Cyrus Hall McCormick: His Life and Work* (Chicago: A. C. McClurg, 1909), pp. 37—53.
- ⁷⁶ Там же, с. 74.

- ⁷⁷ Pierce, *A History of Chicago...*, Vol. 3, pp. 103, 108—9.
- ⁷⁸ Kleppner, *Chicago Divided...*, p. 15.
- ⁷⁹ Holt and Pacyga, *Chicago: The Loop and South Side*, pp. 28—37, 120—31.
- ⁸⁰ Wade, *Chicago's Pride...*, pp. 47—60; Stephen Longstreet, *Chicago, 1860—1919* (New York: David McKay, 1973), pp. 56—60.
- ⁸¹ George Edward Plumbe, *Chicago: Its Natural Advantages as an Industrial and Commercial Center and Market* (Chicago: Civic-Industrial Committee of the Chicago Association of Commerce, 1910), p. 22.
- ⁸² Wade, *Chicago's Pride...*, pp. 62—78, 218—40; Miller, *City of the Century...*, pp. 198—224.
- ⁸³ Эта оценка произведена на основе данных работы: Plumbe, *Chicago: Its Natural Advantages*, p. 22.
- ⁸⁴ Wade, *Chicago's Pride...*, pp. 352—369; Charles Joseph Bushnell, «The Social Problem at the Chicago Stock Yards» (Ph.D. diss., University of Chicago, 1902).
- ⁸⁵ Об этом убедительно пишет Джеймс Барретт: James R. Barrett, *Work and Community in the Jungle: Chicago's Packinghouse Workers, 1894—1922* (Chicago: University of Illinois Press, 1987), p. 20. Об особой роли в промышленной революции Густава Свифта см.: Glenn Porter, *The Rise of Big Business, 1860—1910*, 2d ed. (Arlington Heights, Ill.: Harlan Davidson, 1992), pp. 47—50; о роли Филипа Армора в свидетельствах современников см.: Arthur Warren, «Philip D. Armour: His Manner of Life, His Immense Enterprises in Trade and Philanthropy», «McClure's Magazine 2» (December 1893 — May 1894), pp. 260—280.
- ⁸⁶ Pierce, *A History of Chicago...*, Vol. 3, pp. 117—118; Longstreet, *Chicago, 1860—1919*, pp. 71—76; J. Ogden Armour, *The Packers, the Private Car Lines, and the People* (Philadelphia: Henry Altemus, 1906), p. 25.
- ⁸⁷ Pierce, *A History of Chicago...*, Vol. 3, pp. 158—161.
- ⁸⁸ Там же, с. 161—177.
- ⁸⁹ Там же, с. 184—191. А также см.: Alfred Dupont Chandler, Jr., *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977), pp. 217—231. Литературные портреты основателей магазинных сетей Эрона Монтомгери Уорда и Ричарда Уоррена Сирса можно найти в работе Миллера: Miller, *City of the Century...*, pp. 244—253. Читатель может также обратиться к популярной биографии Уорда: Nina Brown Baker, *Big Catalogue: The Life of Aaron Montgomery Ward* (New York: Harcourt, Brace, 1956).
- ⁹⁰ Wayne Andrews, *The Battle for Chicago*. (New York: Harcourt and Brace, 1946), pp. 208—209.
- ⁹¹ Duis, *Chicago: Creating New Traditions*, pp. 102—117.
- ⁹² Там же, с. 117.
- ⁹³ Sharon Darling, *Chicago Furniture: Art, Craft, and Industry, 1833—1983* (New York: Norton, 1984), pp. 37—268.
- ⁹⁴ Этот процесс корпоративной консолидации исследуется в рабо-

tax: Olivier Zunz, «Making America Corporate, 1870—1920 (Chicago: University of Chicago Press, 1990); Chandler, The Visible Hand...

⁹⁵ Zunz, «Making America Corporate...», pp. 37—66.

⁹⁶ Там же, с. 124—148.

⁹⁷ Heise, A Sampling of Chicago..., pp. 20—21.

⁹⁸ Там же, с. 21—22.

⁹⁹ Helen Lefkowitz Horowitz, Culture and the City: Cultural Philanthropy in Chicago from the 1880s to 1917 (Lexington: University Press of Kentucky, 1976), pp. ix—x.

¹⁰⁰ Diner, A City and Its Universities..., p. 56.

¹⁰¹ Там же, с. 56.

¹⁰² Там же, с. 176. Об участии чикагцев в политике Нового курса см. там же, с. 176—185.

¹⁰³ Walter Benjamin, Reflections: Essays, Aphorisms, Autobiographical Writings, trans. Edmund Jephcott. (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1978), p. 151.

¹⁰⁴ Sidney Appelbaum, The Chicago World's Fair of 1893: A Photographic Record (New York: Dover, 1980), p. 1.

¹⁰⁵ См. также многочисленные колонки «Писем из Америки» Варвары Мак-Гейгин в «Северном вестнике» за 1893 год, а также работу И. М. Венюкова: Иллинойс и Чикаго, «Наблюдатель», 1893, № 5 (май), с. 257—272.

¹⁰⁶ Robert I. Goler, Visions of a Better Chicago, in Susan E. Hirsch and Robert I. Goler, eds., A City Comes of Age: Chicago in the 1890s» (Chicago: Chicago Historical Association, 1990), pp. 90—153: 96—97.

¹⁰⁷ David E. Burg, Chicago's White City of 1893 (Lexington: University Press of Kentucky, 1976), p. XII.

¹⁰⁸ John P. Barrett, Electricity at the Columbian Exposition, Including an Account of the Exhibits». (Chicago: R. R. Donnelley, 1894).

¹⁰⁹ Блум с юмором и прямотой пишет о собственной роли в организации выставки (он, кстати, сменил на посту устроителя чудаковатого гарвардского этнографа, некоего профессора Путнама, который полагал, что экспонаты на Мидвей Плэзанс должны иметь «назидательный характер»). Вместо этого Сол Блум быстро принял решение «основать коммерчески успешный парк развлечений». Sol Bloom, The Autobiography of Sol Bloom (New York: G. P. Putnam, 1948), p. 119.

¹¹⁰ Подробное и несколько монотонное описание Мидвей Плэзанс см. в работе Миллера: Miller, American Apocalypse..., pp. 224—227. О колесе обозрения см.: Miller, City of the Century..., pp. 496—497.

¹¹¹ См., например, следующие работы: Duis, Chicago: Creating New Traditions, pp. 44—52; Gilbert, Perfect Cities..., pp. 75—130; Miller, American Apocalypse..., pp. 195—250; Carl S. Smith, «Chicago and the American Literary Imagination, 1880—1920 (Chicago: University of Chicago Press, 1984), pp. 140—149; Donald K. Hartman, ed., Fairground Fiction: Detective Stories of the World's Columbian Exposition (Kenmore, N.Y.: Motif, 1992); Julie K. Brown, Contesting Images:

Photography and the World's Columbian Exposition (Tucson: University of Arizona Press, 1994); R. Reid Badger, The Great America Fair: The World's Columbian Exposition and American Culture (Chicago: Nelson-Hall, 1979).

¹¹² Arnold Lewis, «An Early Encounter with Tomorrow: Europeans, Chicago's Loop, and the World's Columbian Exposition (Urbana: University of Illinois Press, 1997), p. 4.

¹¹³ Особенно интересная коллекция фотографий выставки появилась в 1980 году, что совпало с постепенным возрастанием интереса к истории Белого Города, достигшего пика к столетию Всемирной выставки в 1993 году. См.: Appelbaum, Chicago World's Fair»; Brown, Contesting Images..., pp. 67—78.

¹¹⁴ Краткое изложение этих преобразований можно найти в работах: Bob Tamarkin, «Only the Market Knows», Chicago Times Magazine 1, no. 2 (November-December 1987), pp. 54—61: 58; Jonathan Lurie, The Chicago Board of Trade, 1859—1905: The Dynamics of Self-Regulation (Urbana: University of Illinois Press, 1979).

¹¹⁵ Pierce, A History of Chicago..., Vol. 3, pp. 192—233.

¹¹⁶ Там же, с. 207.

¹¹⁷ Там же, сс. 207—210.

¹¹⁸ Abbott, Boosters and Businessmen..., p. 69.

¹¹⁹ Pierce, A History of Chicago..., Vol. 3, p. 240.

¹²⁰ Robert Herrick, The Web of Life (New York: Macmillan, 1900), pp. 198—199. Описание «помпезных домов» богачей см. в работе: John Drury, Old Chicago Houses (New York: Bonanza, 1941).

¹²¹ Подробное обсуждение чикагской школы архитектуры содержится в работах: Daniel Bluestone, Constructing Chicago (New Haven: Yale University Press, 1991); Carl W. Condit, The Chicago School of Architecture: A History of Commercial and Public Building in the Chicago Area, 1875—1925 (Chicago: University of Chicago Press, 1964); John Zukowsky, ed., Chicago Architecture, 1872—1922: Birth of a Metropolis (Chicago: Art Institute of Chicago, 1987).

¹²² О взаимоотношениях между этими архитекторами см. в следующих работах: James F. Gorman, Three American Architects: Richardson, Sullivan, and Wright, 1865—1915 (Chicago: University of Chicago Press, 1991); Sibel Bozdogan Dostoglu, «Towards Professional Legitimacy and Power: An Inquiry into the Struggle, Achievements, and Dilemmas of the Architectural Profession through an Analysis of Chicago, 1871—1909» (Ph.D. diss., University of Pennsylvania, 1983); Wayne Andrews, Architecture in Chicago and Mid-America: A Photographic History (New York: Atheneum, 1968); Lewis Mumford, Towards Modern Architecture», in Donald L. Miller, ed., The Lewis Mumford Reader, (New York: Pantheon, 1986), pp. 49—72; о развитии архитектуры небоскребов см. также: Miller, City of the Century..., pp. 301—353.

Большинство этих архитекторов пережили своего, возможно самого талантливого, коллегу Рута, который погиб трагически молодым, не

дожив до сорока двух лет, в январе 1891 года. О значительном вкладе Рута в архитектуру Чикаго см. работу Гоффмана: Donald Hoffman, *The Architecture of John Wellborn Root* (Baltimore: John Hopkins University Press, 1973). Читатели могут также обратиться к работе Эндрюса: Andrews, *Architecture in Chicago...*, pp. 40—43.

Кончина Рута, по мнению многих, включая летописца Колумбовой выставки Дэвида Бурга, «стала более важным фактором в судьбе чикагской школы архитектуры, чем даже Всемирная Колумбова выставка... Со смертью Рута Чикаго лишился одного из наиболее уважаемых, ярких и оригинальных архитекторов». Burg, *Chicago's White City...*, p. 306.

¹²³ Поистине, роль заказчиков в развитии новаторских архитектурных стилей в Чикаго сложно переоценить. Miles L. Berger, *They Built Chicago: Entrepreneurs Who Shaped a Great City's Architecture* (Chicago: Bonus Books, 1992), pp. 23—194.

¹²⁴ Lewis Mumford, «Sticks and Stones: A Study of American Architecture and Civilization» (New York: Boni and Liveright, 1924).

¹²⁵ Commercial Club of Chicago, *The Plan of Chicago* (Chicago: Commercial Club of Chicago, 1909). О воздействии генерального плана Чикаго на развитие городского планирования в других регионах Америки, в частности в Нью-Йорке, см.: David A. Johnson, *Planning the Great Metropolis: The 1929 Regional Plan of New York and Its Environs* (New York: E. and F. N. Spon, 1996), pp. 48—55. Несколько пристрастный обзор развития города в последующие пятнадцать лет можно найти в отчетах Комиссии по планированию Чикаго: *The Plan of Chicago in 1925* (Chicago: Chicago Plan Commission, 1925).

¹²⁶ Miller, *City of the Century...*, pp. 354—377.

¹²⁷ Duis, *Chicago: Creating New Traditions*, p. 19.

¹²⁸ Robert Fishman, *Bourgeois Utopias: The Rise and Fall of Suburbia* (New York: Basic Books, 1987).

¹²⁹ Полезный обзор истории Пульмана можно найти в работе Стенли Будера о Пульмане.

¹³⁰ Краткий иллюстрированный отчет о предприятиях и городе Пульмана см. в: Andrews, *Architecture in Chicago...*, pp. 34—35. О роли Бемана см.: Miller, *City of the Century...*, pp. 224—240.

¹³¹ Janice L. Reiff, «A Modern Lear and His Daughters: Gender in the Model Town of Pullman», *Journal of Urban History* 23, no. 3 (March 1997), pp. 316—341.

¹³² Richard Ely, «Pullman: A Social Study», *Harper's New Monthly Magazine* 70 (February 1885), pp. 453—466. О своем свадебном путешествии Эли рассказывает в автобиографии: Richard Theodore Ely, *Ground Under Our Feet: An Autobiography* (New York: Macmillan, 1938), pp. 166—171.

¹³³ Ely, «Pullman...», p. 454.

¹³⁴ Там же, с. 461.

¹³⁵ Там же, с. 462—463.

¹³⁶ Там же, с. 464.

¹³⁷ Позднее Эли вспоминает о Пульмане – городе и промышленнике – с высоты четырех десятков лет, прошедших со времени его посещения заводов железнодорожного магната, и называет господина Пульмана одним из крупнейших промышленников своего поколения (Richard Ely, *Ground Under Our Feet: An Autobiography*, p. 170). Эли писал: «О мистере Пульмане нельзя было сказать, что он сознательно стремился к совершенству. Но я полагаю, что управление компанией Пульмана действительно превосходит все, что нам довелось увидеть в бизнесе в течение двух последних поколений» (там же, с. 171).

¹³⁸ Zunz, «Making America Corporate...», pp. 103—124.

¹³⁹ William H. Birkmire, *Skeleton Construction in Buildings, with Numerous Practical Illustrations of High Buildings* (New York: John Wiley, 1894), p. III.

¹⁴⁰ Carl W. Condit, «The Two Centuries of Technical Evolution Underlying the Skyscraper», in Lynn S. Beddle, ed., *Second Century of the Skyscraper*, (New York: Van Nostrand Reinhold, 1988), pp. 11—24.

¹⁴¹ Ray Stannard Baker, *The Modern Skyscraper*, *Munsey's Magazine* 22 (October 1899), pp. 48—56.

¹⁴² Carol Willis, *Form Follows Finance: Skyscrapers and Skylines in New York and Chicago* (New York: Princeton Architectural Press, 1995).

¹⁴³ Как писала Кэрол Уиллис, в конце 1960 года «только в трех других [американских] городах было более двух зданий выше 25 этажей: в Детройте их было восемь, в Филадельфии – шесть и в Питтсбурге – пять». Там же, с. 9.

¹⁴⁴ Там же. См. также: Mona Domosh, *Invented Cities: The Creation of Landscape in Nineteenth-Century New York and Boston* (New Haven: Yale University Press, 1996), pp. 76—81; Sarah Bradford Landau, and Carl W. Condit, *Rise of the New York Skyscraper, 1865—1913* (New Haven: Yale University Press, 1996).

¹⁴⁵ Willis, *Form Follows Finance...*, p. 9.

¹⁴⁶ Там же, с. 10.

¹⁴⁷ Денежное выражение новых строений в Чикаго возросло с 20 миллионов долларов в 1887 году до 63,5 миллиона в 1892-м (при подготовке к Колумбовой выставке), затем упало до 28,5 миллиона в 1893-м и до 19,1 миллиона в 1900 году. Далее последовал стабильный рост стоимости строений, который достиг пика в 112,8 миллиона долларов в 1916 году. Homer Hoyt, *One Hundred Years of Land Values in Chicago: The Relationship of the Growth of Chicago to the Rise in its Land Values, 1830—1933* (Chicago: University of Chicago Press, 1933).

¹⁴⁸ Такое наблюдение делает, в частности, Уиллис в «Form Follows Finance...», опираясь на работу Барра Ферре (Barr Ferree), редактора *The Engineering Magazine*.

¹⁴⁹ John Wellborn Root, *A Utilitarian Theory of Beauty*, in Donald Hoffman, ed., *The Meanings of Architecture: Buildings and Writings by John Wellborn Root* (New York: Horizon, 1967), pp. 172—174: 172.

¹⁵⁰ Достижения Холабэрд и Рош только недавно получили признание, которого заслуживали. См., например, превосходную монографию

Роберта Брегмана: Robert Bruegmann, *The Architects and the City: Holabird and Roche of Chicago, 1880—1918* (Chicago: University of Chicago Press, 1997).

¹⁵¹ Обсуждение этих проблем см. в работах: Flanagan, *Charter Reform...*, Charles E. Merriam, «Chicago: A More Intimate View of Urban Politics» (New York: Macmillan, 1929); Paul Michael Green, «The Chicago Democratic Party, 1840—1920: From Factionalism to Political Organization» (Ph.D. diss., University of Chicago, 1975); Ann Durkin Keating, «Governing the New Metropolis: The Development of Urban and Suburban Governments in Cook County, Illinois, 1831—1902» (Ph.D. diss., University of Chicago, 1984).

¹⁵² Положение, на которое обращает особое внимание Чарльз Е. Мерриэм в классическом исследовании муниципальной власти в Америке: Charles E. Merriam, *Scrambled Government: Who Rules What in Chicago land?* (Chicago, 1934).

¹⁵³ Согласно конституции штата Иллинойс, долги муниципалитета и графства не должны превышать 5% от оценочной стоимости собственности в данной области. Ester R. Fuchs, *Mayors and Money: Fiscal Policy in New York and Chicago* (Chicago: University of Chicago Press, 1992), p. 195.

¹⁵⁴ Edward C. Banfield, *Political Influence* (New York: Greenwood, 1961), p. 235.

¹⁵⁵ Эта тема нашла яркое отражение в работе: Lloyd Wendt and Herman Kogan, *Bosses in Lusty Chicago...* (Bloomington: University of Indiana Press, 1967).

¹⁵⁶ Более подробно об этом см.: Green and Holli, eds., *The Mayors...*; Robin L. Einhorn, *Property Rules: Political Economy in Chicago, 1833—1872* (Chicago: University of Chicago Press, 1991); Frederick Rex, *The Mayors of the City of Chicago, from March 4, 1837, to April 13, 1933* (Chicago: Chicago Municipal Reference Library, 1934).

¹⁵⁷ Flanagan, *Charter Reform...*, p. 14.

¹⁵⁸ Charles E. Merriam, «A Report on an Investigation of the Municipal Revenues of Chicago» (Chicago: City Club of Chicago, 1906), p. XI.

¹⁵⁹ Там же, с. 19—20.

¹⁶⁰ Там же, с. 29—32.

¹⁶¹ Там же, с. 35.

¹⁶² Там же, с. 71.

¹⁶³ Bradley and Zald, *From Commerical Elite to Political Administrator...*, pp. 153—167: 160—161.

Ситцевое сердце России

Пожар, послуживший началом отчаянного, катастрофического отступления наполеоновской Великой армии из Москвы в 1812 году, уничтожил и последние следы той исключительности, которой Москва обладала в жизни России со времен Средневековья. За целый век до этого в Санкт-Петербург, северную столицу Петра Великого, переместилась формальная политическая власть. В имперской системе, созданной Петром в начале XVIII столетия и усовершенствованной Екатериной Великой в конце того же века, не было места для соперничающих политических, экономических, социальных или культурных центров влияния. «Пылающий» отход Наполеона лишь утвердил то длившееся несколько десятилетий угасание, что низвело некогда главнейший из российских городов до провинциального статуса. В то же время огонь гигантского пожара в буквальном смысле расчистил место для новой Москвы, которой предстояло стать промышленным и коммерческим гигантом, городом, кипящим жизнью и одновременно мертвящим.

Еще целых сто лет после пожара 1812 года, до начала Первой мировой войны в августе 1914-го, статус Москвы как второго города России создавал напряженность в отношениях с самодержавным правительством. Ставшая домом для торгующих крестьян, купцов-старообрядцев, немецких и британских промышленников и авантюристов всех мастей, которых никогда бы не приняли в петербургское высшее общество, эта большая деревня быстро развилась в один из крупнейших городов мира. Москва стала столицей во всяком смысле, кроме одного – политического. Однако при любой возможности, которую предоставляла ей невнимательность, бездеятельность или некомпетентность имперских чиновников, Москва, вторая столица, последова-